

1645763

ТАЛЫЦЫ

Тальцы • 3 (15) • 2002

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

Е.В. Шевелёва. Каргопольская глиняная игрушка: прошлое и настоящее промысла 3

✓ **В.И. Тарасов.** Глиняная игрушка в Иркутске (80–90-е годы XX века) 12

А.Н. Голендеев. Тальдинские игрушечных дел мастера 19

А.Д. Назаркин. Игра в лодыжки (по материалам экспедиции в с. Байкало-Кудара, Республика Бурятия) 27

ПО СЛЕДАМ НАУЧНЫХ КОМАНДИРОВОК

Т.А. Крючкова. Иркутяне в истории Посольского монастыря 30

С.В. Демидов. О втором обретении мощей епископа Иркутского Иннокентия 39

У НАС В ГОСТЯХ
А.В. Курышев. Сарепта — миссия на Волге 43

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В.П. Орфинский. Осколки архитектурного континента. Индикатор цивилизованности 51

В.В. Тихонов. Традиционная народная культура России 60

В.С. Тихонов. Вспомогательные материалы и приложения 65

С.В. Демидов. 68

В.П. Орфинский. 84

В.В. Тихонов. 85

А.Д. Назаркин. 86

Е.В. Шевелёва. 88

1645463

1.645763

08

15

Учредитель и издатель:

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы».
Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2.
Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), канд. ист. наук Л.В. Мельникова, А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера:

Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: А.В. Горбунова

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «ИП Макаров С.Е.»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г.,
выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и
массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел.
(8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, E-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — *Гончарный промысел в музее «Тальцы». Фото А. Бызова*

С. 2 — *Г. Борисов. Декоративный светильник. 2002 г.*

Фото И. Бержинского

С. 3 — *Свистульки тальцинских мастеров. 2001–2002 гг.*

Фото И. Бержинского

С. 4 — *Спасо-Преображенский собор Посольского монастыря.*

XVIII в. Фото А. Бызова

Подписано в печать 12.11.02. Формат 60x90 1/16. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 5,00. Уч.-изд. л. 4,44. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3041. Цена свободная.

Отпечатано в ИПО БГУЭП, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Издательство «ИП Макаров С.Е.»

тел. 516-460, 516-484

КАРГОПОЛЬСКАЯ ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПРОМЫСЛА

*Елизавета Владимировна Шевелёва,
искусствовед, народный мастер,
член Союза художников России,
г. Каргополь*

Каргополь издавна известен путешественникам как старинный город на юге Архангельской области, в прошлом Олонецкой губернии, у истока реки Онеги, что несет свои воды в Белое море. В разные времена славился он как один из крупных промысловых, а также торговых центров Русского Севера. Теперь сюда привлекают туристов замечательные храмы XVI–XIX веков, тишина и покой провинциального городка. Также в наши дни Каргополь является крупным центром изготовления весьма широко известной сувенирной игрушки. Эталоном промысла считаются изделия Ивана Васильевича Дружинина (1887–1949) и Ульяны Ивановны Бабкиной (1889–1977), о которых сообщают читателю основные издания, посвященные данной теме (1, 2, 4, 5), не касаясь подробно творчества других каргопольских мастеров.

Издавна в окрестных деревнях Гринёво, Токарёво, Печниково и иных крестьяне-кустари лепили и обжигали глиняную посуду, а вместе с нею и своеобразную игрушку. Промысловый характер, согласно упоминаниям в этнографических описаниях, подобные изделия носили уже в последней трети XIX века. Краевед Философ Карпович Докучаев-Басков писал: «Из гончарных изделий местной работы можно видеть различную черную посуду, как-то горшки различных величин, крышки к ним, латки, кринки, масляники, кадиленки, цветочки и так далее... Из этой глины лепятся различного рода игрушки, неизменно бывающие на базаре: лошадки на воле, в упряжи и с верховыми; солдатки, куры, фигуры баб, «утушки» для свистания и наигрывания (эта детская свистулька имеет за собой порядочную давность, черепки ее находят даже при разработке давным-давно не тронутой почвы)» (3, с. 16).

Вид Каргополя со стороны реки Онеги. Фото Ю. Кавер

Между тем мастера были не просто ремесленники, понимали толк и в красоте. Они придерживались старых, проверенных поколениями форм и приемов лепки на ручном гончарном круге, технологии обжига в горне, обработки изделий различными способами для прочности и красоты. На продажу делали немалые партии, иногда до тысячи горшков. Просушивали посуду, обжигали на живом огне, а после обваривали в горячей мучной болтушке — *солодяге*, чтобы красно-коричневый черепок покрылся черными разводами-пятнами, делали также и зеленую свинцовую поливу. Выходило красиво и крепко. Потом укладывали посуду, а между нее и игрушку, в солому на сани-розвальни или в телегу, так и возили на ярмарку в город. По пути и в деревнях хозяйки выменивали кринку либо квашню на меру жита или овса. Сколько в посудину войдет — такова и цена.

Гончарный ряд на каргопольской ярмарке располагался посреди площади, под соборной колокольней. Его можно было узнать без ошибки по переливчатому свисту незатейливых глиняных утушек, служивших превосходной рекламой мастерам. Какой ребенок не притянет к прилавку родителя: «Купи, тятя, коня!»?! А заодно с копеечной «бобкой», как называли еще здесь игрушки, и новую крутобокую квашню в дом понесут. Игрушку, конечно, наказывали беречь, но она редко доживала в целости до следующей ярмарки. Впрочем, ребенок может играть даже с поленом, замотанным в тряпочку, и с конем без ноги.

Быстро стирались с игрушек и самодельные краски: мел, сажа, синька, а то и скобленая ржавчина. Потому красили лишь «фа-

сад», наводили простой узор: точки, черточки, кресты, круги. Исследователи доказали, что это древние символы, связанные с культом плодородия, хотя теперь их смысл уже забыт. Мой дед, потомственный токарёвский гончар Дмитрий Васильевич Шевелёв, говорил: «До нас так красили, и мы так красим, а почему — кто знает?..».

Современные мастера используют для росписи темперу или гуашь на клею: ведь игрушка во многом изменила свое назначение, превратившись ныне в сувенир, яркость наряда которого покупатель хочет сохранить надолго. Менялись в течение XX века и сюжеты, однако и старое не забывается.

...Хоть и лепили игрушки из остатков глины, но живую душу в них вкладывали. Вот Валентин Дмитриевич Шевелёв лепит и приговаривает: «Ну вот, ноги готовы, теперь собачка бегать может. Вот голова — теперь думать умеет. Вот она слышит (вылепил уши), теперь видит (наметил глаза), лает (прорезал пасть). А вот теперь она совсем живая, дышит (наметив ноздри)».

Когда мастер берет в руки комок глины, что чувствует он? Старая баба Уля, знаменитая мастерица Ульяна Ивановна Бабкина, говаривала о гринёвской глине как о живом существе:

— Ой, гнила ты, гнила, гожа ты, гожа, крынки с тебя, горшки лепить. А то и бобки-игрёшецки. Теплой водой оболую, ноженька-

Дмитрий Васильевич Шевелёв (1907–2000) и Елизавета Шевелёва (род. в 1972 г.). Фото В.Б. Тоботрас

Владимир Дмитриевич Шевелёв за работой. Фото Ю. Кавер, 2002 г.

ми потопчу, на руках помну, ровно тесто станешь. Состряпаю — в печку, в огонь положу. Узор наведу...

По игрушке бывает видно, кто ее делал: мужчина или женщина. Мужчине чаще удается форма, женщине — цвет, потому бывало, что работали всей семьей. Также по размеру фигурки, которая создается «по руке», по характеру поверхности можно сказать, лепил ее взрослый, либо старик, либо ребенок.

На ладони мастера помещается целый мир реалий повседневной жизни и доброй сказки. В нем сливаются природное начало с его стихийностью и порядок, утвержденный человеком. В этом мире есть изба с чадами и домочадцами, двор со скотинкой, а также дорога, что ведет через леса, наполненные зверьем и птицей, в уездный город и иные края.

В круге сюжетов каргопольской игрушки отражены три темы: образы животных, людей и сказочные персонажи, наполовину животные, наполовину люди — полканы, домовые, русалки, сирини. Они появляются только в середине XX века благодаря фантазии отдельных мастеров и советам искусствоведов. Ведь в старицу с волшебными существами не принято было шутить, упоминать о них вслух, называть их по имени, а тем более облекать их в видимую форму, предназначенную для детской игры, чтобы не накликать беду...

Первая игрушка, с которой начинается обучение лепке, — со-

бачка. Можно слепить крепкого невозмутимого деревенского пса со степенным добродушным выражением на морде, но часто возникает и другой характер: подвижная собака, с удивленно повернутой головой, на расставленных лапах. В зубах у нее может быть кость, а на спине иногда сидит птичка.

Кота делали редко, причем чаще женщины. Вполне можно объяснить редкость сюжета тем, что пластику гибкой кошки, которая всегда терлась у ног хозяйки, сложнее передать в обобщенных формах, какие используются в каргопольской игрушке. Кот изображается очеловеченным: сидит на задних лапах, а в передних держит гармонь либо пирог. Иногда, чтобы котофей не скучал, моя бабушка, Клавдия Петровна Шевелёва, лепила и кошку.

Козлик или баран встречается у всех мастеров. Различие их — в форме рогов: у баранчика они скручены, у козлика — прямые. У козла обычно намечают бороду, у козы — вымя.

Каргопольские кони вызывают в памяти не только работающую коренастую крестьянскую лошадку, помощницу в любом доме, но и образ благородного скакового животного, какое поднимается «выше облака ходячего» и достойно везти само Солнце. Такой конь с лебединым изгибом шеи, нервными стройными ногами и развевающимся по ветру хвостом. Коней про-

Игрушки мастеров Шевелёвых: Дмитрия Васильевича, Клавдии Петровны, Валентина Дмитриевича. Фото Ю. Кавер

Медведь, медвежахи — Владимира Дмитриевича Шевелёва; конь — Валентина Дмитриевича Шевелёва. Фото Ю. Кавер

сто обваривают или красят, причем не только в «натуральные» цвета, но и в огненный красный, и в небесный синий. Они могут быть расписаны «в упряжи» или «на воле». Валентин Шевелёв, вспоминая детство в деревне у деда, рассказывает, как тот перед отъездом на ярмарку ставил глиняного конька на воронец, под потолок — на счастье...

Среди сюжетов, повествующих о лесных зверях, часто встретишь оленей, больше похожих на лосей. У них разные рога: лопастью, ветвями, короной, гребенкой. Иногда на рогах помещается человеческая фигурка. Волка, по словам Дмитрия Васильевича, делали редко: «Да и то: что волк, что собака, большой разницы нет, лепить одинаково». Медведи в исполнении каргопольских мастеров мало похожи на реальных. Иногда это галантные, даже изящные звери, которые выступают на гулянье под руку с нарядными медвежахами* или козами, иногда они массивные, с крупными выразительными головами, такие получаются, напри-

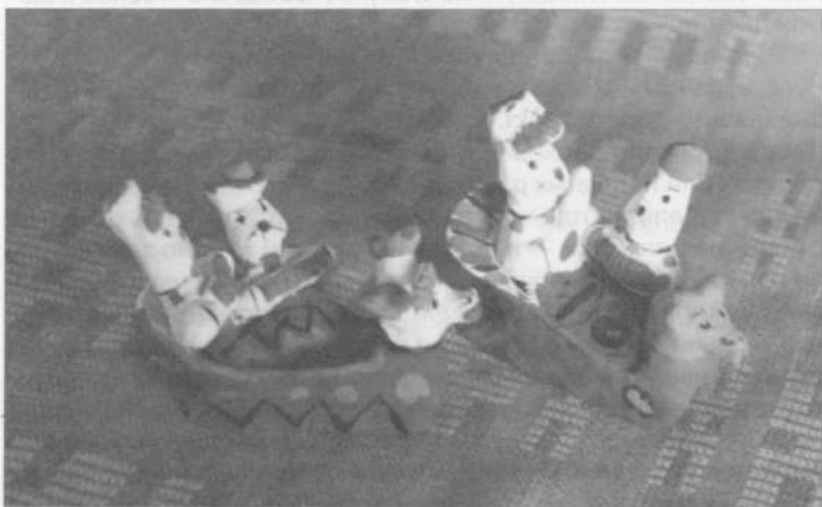
---

* Название придумано К.П. Шевелёвой, которая стала первой лепить медведиц в юбке, играющих на гармониях либо держащих медвежат, пироги или булочки на связках.

мер, у Владимира Дмитриевича Шевелёва. Они могут быть даже гуляками, с рюмками водки и с табачными трубками, или драчунами, схватившимися с охотником либо коровой, как часто любила лепить Ульяна Бабкина, при этом у нее всегда обе стороны весело улыбаются, будто драка не настоящая.

Среди птиц особым уважением пользуется мудрый лесной ворон. Хоть в старой игрушке этот сюжет встречается и редко, но он вполне оправдан. Видимо, не случайна и одна из версий происхождения названия города Каргополя: карга — ворона, этих птиц здесь и впрямь видимо-невидимо. В роду Шевелёвых первой стала лепить воронов Клавдия Петровна. Ее птицы маленькие, с фантастическими чертами, а иногда и вовсе похожи то ли на глухарей, то ли на тетеревов. Вслед за бабушкой и сама надеяю их своей историей, когда появляются из кусочка глины ворон-купец в шляпе, его супруга в кокошнике, вороненок с «гребенкой» на голове.

Люди в игрушке различаются по возрасту. Здесь можно встретить детишек, девиц на выданье с косую и в перевязке, баб в старинных кокошниках, а иногда в традиционных золотных платках, либо модниц в шляпах на городской манер, парней и бородатых, в отличие от них, мужиков. Стоит заметить, что «токарёвская»

Возки Валентина Дмитриевича Шевелёва. Фото В. Шевелёва

борода, черная и кудреватая, отличается от цветной «гринёвской». Как крестьянский быт не знал безделья, так и в игрушке можно встретить рассказ о различных занятиях: здесь и лапотники, и грибники с рыжиками, пахари и гармонисты, пряжи и няньки — кого только нет. Вот что говорил о подобных игрушках Дмитрий Васильевич Шевелёв:

— Теперь появилось очень много сюжетов, каких мы раньше не знали. Мы делали утушек, лошадок. Зачем было лепить пряжу? Кто бы ее раньше купил? Это не игрушка ребенку, скорее сувенир. Такие стали делать в семидесятые годы. Вспомнишь, как пряли на вечеринках в деревне, прялки красивые были — и слепишь.

Таким образом, игрушка становилась воспоминанием, рассказом о прежней жизни, а иногда и игрой мастера в нее. Например, когда Клавдия Петровна лепила коляску с поезжанами, делала ее «как взаправду»: вставляла в отверстия глиняные оси, затем прикрепляла к ним колеса. Крутятся они все равно не станут, но здесь вступает в свои права игра: мастер будто сам становится кузнецом. Так происходит в любой композиции-рассказе. Игрушечник лепит и расписывает лопасть глиняной прялки, выводит узор на глиняном полотенце,шивает «ленты» на глиняную же юбку, с любовью относясь к любой детали.

...Не случайно обращаются каргопольские мастера к теме пути, странствия. Многие деревни Каргопольского уезда нанизывались на дорогу-тракт, словно бусины на нить ожерелья. Люди путешествовали верхом, летом в возках или телегах, зимой в дровнях или нарядных расписных санях. Игрушечные возки изначально лепили отдельно от лошади, в полозьях прокалывали отверстие для нитки — и пожалуйста, катай хоть по земле, хоть по полу либо запрягай коня. Позже, в самом начале семидесятых, мастера каргопольского филиала предприятия «Беломорские узоры» объединят лошадь и сани на глиняной пластине. Так будет вполне «правдиво», но не очень прочно. Тогда уже организатор цеха-мастерской игрушки, талантливый гончар Александр Петрович Шевелёв придумает тройку, где летящие кони будто вырастают из саней. Однако ее в руки ребенку дать невозможно: слишком велика и тяжела. Это, скорее, пример превращения игрушки в сувенир, камерной фигурки, соразмерной руке человека, — в скульптурное произведение.

Может возникнуть вопрос: стоит ли в каргопольскую игрушку вносить какие-либо новые формы и сюжеты? Думается, что это возможно в том случае, если это новое — дело рук и души настоящего художника, обладающего вкусом, чувством меры и тактом по отношению к традиции. Так, у северных мастеров всегда большой интерес вызывал образ льва. Царственного зверя, которого в этих краях никогда не видели живьем, изображали в росписях, на подпечьях, свесах крыш и фронтонах домов, вышивали на подзорах к кроватям или полотенцах. «А почему бы не слепить из глины?» — подумал Валентин Шевелёв. И вот перед нами гривастый сказочный лев. Является ли он традиционным, нет ли — не в этом соль. Ведь искусство, как бы к тому ни стремился современный человек в своей неизбежной тоске по старине, невозможно законсервировать. В его горне энергия накопленного опыта волей-неволей переплавляется в новые формы, в которых так или иначе отражается традиция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская И.Я. Русская народная игрушка. Государственный Русский музей: Каталог выставки. — СПб., 2002.
2. Гунн Г.П. Каргополье — Онега. — М., 1989.
3. Докучаев-Басков Ф.К. Каргополь. — Архангельск, 1913.
4. Дурасов Г.П. Каргопольская глиняная игрушка. — Л., 1986.
5. Некрасова М.А. Народное искусство России. Народное творчество как мир целостности. — М., 1983.

REVIEW

Elizaveta V. Sheveleva. Kargopol clay toy: the past and the present of the craft.

Kargopol is an ancient town in the South of Arkhangelsk region, at the source of the Onega river which carries its waters into the White Sea. For a long time Kargopol has been the center of producing well-known souvenir toys. The author who is an art critic and a representative of the people's toy-wright dynasty tells readers about the present state of affairs and the skilled craftsmen of Kargopol.

ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА В ИРКУТСКЕ (80–90-е годы XX века)

*Владимир Иванович Тарасов,
историк, художник, преподаватель
Иркутской областной школы искусств*

Одним из интереснейших явлений народного творчества, народной художественной и бытовой культуры может быть названа традиционная глиняная игрушка. Не одно поколение исследователей было очаровано богатством и поэтичностью ее образного мира, причудливым переплетением в нем сказочности и былинности, вымысла и реальности. В силуэтах и орнаментах, в символике образов, характерных для народной игрушки, слышатся отголоски дохристианских языческих верований, культурных и бытовых традиций наших предков.

Исторически сложилось так, что основные имеющие подчас многовековые традиции центры производства и функционирования (бытования) глиняной игрушки сформировались в Европейской России. Производство игрушки, тесно связанное с гончарным ремеслом, возникло в районах Нечерноземья и Русского Севера, где низкая урожайность основных сельскохозяйственных культур и малоземелье вынуждали крестьян заниматься различными видами промыслов. Гончарное ремесло и производство игрушки зависели в первую очередь от наличия доступных и высокопластичных глин, а также от возможности сбыта результатов труда крестьян-ремесленников. В Сибири, никогда не страдавшей от малоземелья и отличавшейся малой плотностью населения, гончарное производство существовало в основном в городских предместьях и слободах. Рынок сбыта был ограничен из-за большой разбросанности сибирских городских поселений, и потому о каких-либо традиционных сформировавшихся на протяжении веков или хотя бы десятилетий стилях и особенностях центров гончарного (и игрушечного) производства говорить не приходится.

В конце XX века получили развитие новые факты и явления культурной жизни страны, определившие в конечном итоге по-

явление глиняной игрушки как знакового элемента художественной и бытовой культуры Сибири и Иркутской области в частности.

Этнографические и искусствоведческие исследования традиционного народного творчества, которые приобрели особый размах и интенсивность 30-е и 60-е годы, широкая популяризация их в 70–80-х годах XX века сформировали устойчивый интерес к народной культуре, как в России, так и за рубежом. Глиняная игрушка стала украшением интерьера, подарочной, а часто и представительской вещью, отражающей определенные эстетические взгляды и пристрастия своего владельца (при этом она полностью утратила игровые функции). Этот своеобразный социальный заказ на тиражированный декоративный объект определил нынешнее существование глиняной игрушки как явления современной жизни. В таком виде игрушка вошла в сферу приложения творческих сил профессиональных и самодеятельных художников, продолжающих традиции игрушечного ремесла или создающих свои авторские стили и школы.

Доступная по материалам и технологиям для сферы детского и подросткового досуга, глиняная игрушка стала частью, а

Б.Б. Фридман. Медведи. Терракота, ручная лепка, 1990-е гг.

Б.Б. Фридман. Собачки. Глина, роспись

иногда и основой учебного процесса в художественных училищах и школах, в различных кружках и студиях. При всей неоднозначности этих явлений, обилия негативных сторон сегодняшнего функционирования глиняной игрушки (копирование, отрыв от традиционных центров производства, искусственное перенесение стилей на чужеродную почву, нарушение гармоничного единства творческого замысла и технологии) нужно отметить, что и в современном состоянии народная игрушка несет в себе отсветы эмоциональной и духовной энергии, идущей из глубины веков, служит одной из связующих нитей между прошлым и сегодняшними поколениями.

В Иркутской области возникновение глиняной игрушки как характерного знакового явления связано со своеобразной ситуацией, сложившейся в конце 80 – начале 90-х годов XX века. В конце «перестройки» большому числу художников-оформителей и тех, кто подрабатывал выполнением наглядной агитации (что было яркой приметой советского периода), пришлось искать новые сферы заработка. В Иркутске это время совпало с байкальским туристическим бумом — массовым потоком туристов из западных стран и Японии. Этнографическая сувенирная продукция пользовалась тогда большим спросом. В этих условиях сформировали свой стиль и технологические особенности работы такие мастера глиняной игрушки, как М.Е. Трофимов, В.И. Тарасов, Б.Б. Фридман (основатель семейной игрушечной мастерской), Г.Я. Борисов, И.В. Иванченко, представлявшие свои работы на многочисленных выставках профессионального и самодеятельного художественного творчества, как в области и в

России, так и за рубежом. Реализация глиняной игрушки шла главным образом через сеть киосков и магазинов Интуриста, сувенирные отделы областных и городских музеев, на специализированных ярмарках и в художественных салонах.

Большинство мастеров-игрушечников, обращавшихся к темам этнографии и фольклора, получили профессиональное образование в Иркутском художественном училище, а основным местом их работы стали художественные школы и кружки детского творчества, где и проходило формирование авторской стилистики и присущей ей технологической базы.

Авторские стили иркутских мастеров-игрушечников отличаются большим разнообразием. Так, работы Михаила Трофимова наиболее близки крестьянской народной традиции, он совсем не пользуется цветом и какими-либо декоративными способами отделки или росписи, его «глиняшки» близки по цвету и силуэтам причудливо изогнутым коряжкам и корневищам, а образный мир игрушек напоминает о древних духах дремучих лесов и чащоб. В основе глиняных игрушек-свистулек Георгия Борисова — крученые гончарные формы, определяющие лаконизм и максимальную собранность силуэтов. Роспись ангобами и эмалями также лаконичная и строгая, но образный строй фигур, несмотря на это, наполнен добротой и дружелюбием. В.И. Тарасов и Б.Б. Фридман, кроме художественного, получившие и историческое (университетское) образование, в своих трудах обращаются к широкому спектру этнографического и исторического материала. Темы многонациональной Сибири и сибирской истории находят в творчестве художников индивидуальное для каждого автора отражение. Уделяя большое внимание росписи своих игрушек, Б.Б. Фридман использует темперные краски, часто сохраняя в качестве основы для мелких элементов росписи ес-

В.И. Тарасов. Этнографическая игрушка. Глина, роспись нитроэмалями, тесьма, 1985–1996 гг.

М.Г. Бурдучкова. Домовой. Глина, ручная лепка, глазурь, ангоб, байкальский камень, 1998 г.

тественную поверхность и цвет обожженной глины. В.И. Тарасов применяет сплошное покрытие красочным слоем, по которому выполняется роспись нитроэмальями, дополняемая иногда накладной тесьмой. Работы И.В. Иванченко близки по технологии лепки и росписи к фридмановским («усольским») игрушкам, но отличаются более округлым и лаконичным силуэтом, крупными элементами и сдержанным характером темперной росписи. Тематика его игрушек наиболее разнообразная, преобладают в основном современные мотивы, и в меньшей степени представлены историко-этнографические сюжеты.

Кроме В.И. Тарасова, отминающего свои игрушки в гипсовых формах с дополнением основного объема лепными деталями, и Г.Я. Борисова (гончарная техника), иркутские мастера используют главным образом ручную лепку, применяя самые различные ее приемы. Так, М.Г. Бурдучкова, периодически занимающаяся глиняной игрушкой (в современной тематике), выполняет свои работы в пластовой технике, достаточно редко используемой в этом виде творчества. Чаще применяются лепка из цельного куска и сборка по деталям.

В настоящее время, когда поток туристов резко уменьшился, а рынок оказался переполненным привозными традиционными игрушками из Европейской России, когда снизилась покупательская способность населения и почти исчезла востребованность местного этнографического материала, мастера-

игрушечники столкнулись с трудностями реализации своего ремесла. Эпизодичным стало появление игрушек М.Е. Трофимова, вынужден перейти к мелким по размерам и минимальным по трудоемкости и цене видам игрушки Б.Б. Фридман, перестал заниматься этим видом художественного ремесла В.И. Тарасов. Благодаря специфическим условиям Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», традиционно сохраняющего туристическую привлекательность и ставшего главным центром проведения фольклорных праздников, центром реального функционирования народных обрядовых традиций, продолжают изготовление гончарной игрушки Г.Я. Борисов и близкая к нему группа гончаров и игрушечников из школы № 19 Иркутска. Определенным спросом продолжает пользоваться появившаяся одновременно с этнографической игрушка на современные темы, построенная на образах мультипликационной графики. Чаще и материалом для нее служит не глина, а различные полимерные заменители и соленое тесто. (Все это выводит такие примеры за рамки обозреваемой темы.)

1645463

В то же время следует обратить внимание на такое отрадное явление, как возвращение глиняной игрушки ее главной — игровой функции. Пусть пока об этом нельзя говорить как о свершившемся факте, но надежды есть. И это ставит глиняную игрушку в ряд интереснейших объектов современной детской этнографии, направления, разработанного в свое время Г.С. Виноградовым. (Актуальность такого рода исследований отмечает О.А. Акулич, научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея, в своей статье «К истории изучения детской игровой культуры Сибири».)

Став частью учебного процесса, как уже отмечалось, глиняная игрушка вернулась к детям, правда, пока в качестве учебного пособия, а не игрового объекта. Это возвращение, при соответствующей организации учебного процесса, при наличии в нем игровых методов и ситуаций, создает возможности для появления новых видов глиняной игрушки, ориентированных на современного ребенка, отражающих его требования к игровым объектам. Тут стоит отметить, что в прошлом игрушку чаще лепили не гончары-мужчины, а женщины и дети. И, видимо, этот процесс был, по существу, игрой-обучением, игрой-творчеством. В этом объяснение широкого распространения в прошлом игровой глиняной игрушки, соответствующей требованиям и представлению

ям об игровом объекте детей того времени. Здесь мы подходим к самому главному. Если бы изначально целью игры-обучения служил некий образец (как это часто происходит сейчас), не связанный с мироощущением реального ребенка, ни о каких отвечающих игровым требованиям детей определенного времени результатах не могло бы быть и речи. Видимо, цели учебного процесса должны в этом случае концентрироваться на технологических приемах и методах работы с глиной, оставляя максимальную свободу для творческого выбора детьми конкретных персонажей и их образного решения.

И именно на такой основе можно ожидать возвращения глиняной игрушки в игровую среду современных детей. Служить просто заменой прочно вошедшим в быт пластмассовым игровым объектам глиняная игрушка уже не сможет. Но от творческих поисков юных художников вполне можно ожидать особенных, необычных находок и решений. Тем более что примеры этому уже есть (см.: Тарасов В.И. Игрушка и творческий процесс в начальном художественном образовании // Тальцы. — 2001. — № 1 (12)). К тому же экономическая ситуация в Сибири и Прибайкалье вполне может улучшиться в ближайшей перспективе, что определит востребованность художественных поисков будущих мастеров глиняной игрушки.

ЛИТЕРАТУРА

Акулич О.А. К истории изучения детской игровой культуры Сибири (научные коллекции Г.С. Виноградова 1910–1920-х годов) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. — Иркутск, 2000. — Ч. II.

Богуславская И. Русская глиняная игрушка. — Л., 1975.

Богуславская И. Русское народное искусство. — Л., 1968.

REVIEW

Vladimir I. Tarasov. Clay toys in Irkutsk (80–90s of XX century).

A traditional clay toy is one of the most interesting phenomena of peoples art and everyday culture in Russia. In Siberia, specifically in Irkutsk region, the clay-toy production takes place only in XX century. The author, an author and historian, meditates on the reasons of appearance and demand for clay toys nowadays.

ТАЛЬЦИНСКИЕ ИГРУШЕЧНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

*Андрей Николаевич Голендеев,
заведующий отделом народных
промыслов и ремесел
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Семь лет работает на территории АЭМ «Тальцы» гончарная мастерская и развившийся на ее основе самобытный тальцинский гончарный промысел. Выделывают мастера игрушки-свистульки, горшки, продолжая и развивая древние традиции гончарства. Посетители музея могут не только посмотреть, как работают мастера, но и сами попробовать сделать из глины игрушки или попытаться вытянуть сосуд на гончарном круге, а также могут приобрести еще горячие после обжига изделия из рук мастера. Работают мастера семьями. Это семьи Соколовых, Таволжанских, Дмитраковых, Голендеевых, Маркидоновых, Борисовых.

Одним из основателей мастерской в музее является Николай Соколов — народный мастер по керамике, замечательный организатор, который в 1990 году собрал вокруг себя творческих людей, увлеченных работой с глиной, в рамках студии керамики факультета изобразительного искусства народного университета при Иркутском художественном музее. В основном это были люди уже работающие (от маляра до преподавателя вуза), которые по различным причинам не смогли в свое время получить художественное образование, но сохранившие в себе стремление к художественному творчеству. Для них Н. Соколов стал первым учителем, человеком, познакомившим с азами технологического процесса выделки гончарных изделий. Кроме этого, энтузиасты учились друг у друга, изучали традиционное народное искусство, особенно известные промыслы по изготовлению художественной керамики, их историю и сегодняшнее состояние, материалы по археологии, этнографии Древней Руси. В дальнейшем на основе этой группы любителей керамики сложился коллектив педагогов, работающих в керамической мас-

Медведь и нерпа.
Автор А. Дмитраков

терской иркутской школы № 19. Николай первым из этого творческого коллектива научился лепить свистульки, главным образом это были традиционные образы — птички, кони. Остальные сподвижники не только освоили лепку свистулек, но и творчески развили это направление в изготовлении глиняной игрушки, создав ряд новых образов. Будучи «педагогом по призванию», Н. Соколов много времени и сил стал отдавать преподавательской работе с детьми и взрослыми, поэтому на личное творчество

времени остается мало. На данный момент в мастерской тальцинского промысла представлено небольшое количество его работ, в основном это глиняные украшения. Являясь человеком увлеченным, Н. Соколов сумел приобщить к работе с глиной свою маму Валентину Сергеевну, находящуюся на пенсии. Занимаясь лепкой из глины, она показала себя незаурядным автором. Пластика ее работ сродни русской традиционной глиняной крестьянской игрушке. Горшки под цветы, которые баба Валя кропотливо составляет из глиняных шариков, а затем декорирует фигурками сибирских животных, украсят любой дом, любую выставку. Достойным продолжателем творчества отца стал сын Н. Соколова Роман, хорошо овладевший работой на гончарном круге. Совместно отец и сын сделали свистульку большого объема «Байкал». Работам Н. Соколова присущи обобщенность, высокая степень стилизации образа, обтекаемость форм, что, собственно, и диктуется используемым материалом — глиной. Для декорирования своих работ мастер применяет тиснение (контррельеф), использует глазурирование и такую традиционную технологию обработки глиняных изделий, как задымливание.

Другой мастер тальцинского промысла, Анатолий Дмитраков, также не мыслит себя вне педагогической деятельности. Работа его в мастерской носит сезонный характер, т. е. работает он со своей семьей в основном летом. А. Дмитраков окончил дизайнерское отделение Иркутского училища искусств, его жена На-

дежда — художественное училище в г. Красном на Волге. Анатолий лепит игрушки-свистульки, а Надежда их расписывает. В образном ряду их работ присутствуют нерпа байкальская, медведь, всадники. Практически все работы Анатолия динамичны, что достигается замысловатым положением частей игрушки. В то же время каждая игрушка имеет свой характер и норы. Дмитриковские свистульки-медведи и сердитые, и суровые, и добрые, обнимающие по-отечески маленькую нерпу, в других вариациях веселые, поющие, бесшабашные. Интересно найдено цветовое решение образа медведя. Он полностью покрыт акриловой краской красного цвета. Как объясняет сам автор, «это же зверь, причем большой, он может быть опасен для человека, отсюда и красный цвет, цвет опасности, агрессии». Нерпы окрашены в цвета воды — синие, голубые, зеленые, иногда перламутровые. Их упрощенная форма сочетается с мелкоузорчатой росписью — вязью. Другой вид игрушек А. Дмитрикова — это дымленные или, как их называет сам автор, «костровые» игрушки. Каждая такая игрушка сопровождается сказкой или легендой, которые Анатолий — человек поэтический, большой мастер сочинять. Иногда образ рождает сказку, иногда сказка образ. Есть у А. Дмитрикова сказки о нерпе-птице, о нерпе и конике, о байкальском страже. Гостям мастерской всегда интересно общаться с мастером, им бывает трудно удержаться от покупки после рассказа о не-

Петрушка. Медведь. Авторы Е. и И. Таволжанские

Мамонт. Автор Н. Соколов

легкой судьбе «нерпы-птицы», которая сначала умела летать, а затем потеряла эту способность и осталась навеки в гостеприимных байкальских водах. Дымленные игрушки, выполненные без лишних деталей, декорируются по поверхности тиснением древнерусскими символами, являющимися в основном солярными и охранными знаками. Это роднит их с архаичными глиняными изделиями мастеров традиционных народных промыслов Центральной России. Можно сказать, что древние русские традиции продолжают сегодня в Сибири.

Активно помогают А. и Н. Дмитраковым их дочери Надя и Маша, которые тоже лепят интересные игрушки — это образы животных, как домашних, так и диких. Девочки сами их расписывают, используя мамины приемы росписи.

Еще один интересный тальцинский мастер с профессиональной художественной подготовкой — Георгий Борисов. Он в совершенстве владеет керамической технологией во всех ее проявлениях. Его работы всегда отличает законченность, оригинальность творческих решений. Рассматривая их, не устаешь удивляться способности Георгия кропотливо декорировать, используя богатые фактурные возможности глины, применяя и рельеф, и тиснение, и затирание керамической глазурью, и задымливание. Работая с глазурями, мастер получает интересные поливы с необычными цветовыми переходами, улучшающие внешний вид изделия. Г. Борисов также старается найти гармоничное сочетание различных материалов, например, дымленной глины с деревом и пеньковой веревкой. В основном он работает как керамист-профессионал, но, тем не менее, отдавая дань народным традициям, так же как и другие тальцинские мастера, лепит свистульки,

на даче мастера Валю Гавриловой. При этом используются при этом традиционные образы: коня, оленя, барана, коровы, свиньи. В своих свистульках мастер старается подчеркнуть цвет самого материала (обожженной глины), декорируя их небольшими глазурными вкраплениями. Формы его свистулек вытянутые, что характерно для традиционной глиняной игрушки. Одним из первых среди мастеров промысла Георгий стал использовать для выделывания игрушек глиняные объемы, вытянутые на гончарном круге. Так появились его свистульки-медведи, очень удачные по форме и декорированию. Развивая это направление, мастер создал свистульку «Гончар». Это работа представляет собой стилизацию стоящего гончара в рабочем фартуке, обеими руками обнимающего свои горшки. Работы Г. Борисова неизменно привлекают внимание посетителей мастерской, да и сам мастер старается радовать их новыми работами.

В число народных мастеров входит семья Маркидоновых. Александр Маркидонов лепит формы, а его жена занимается их росписью. Игрушки этой семьи своеобразны, так как в них сочетаются скульптурная пластика и стилизация. Для многих изделий Александра характерны рубленые, угловатые формы, придающие большую натуралистичность образу, подчеркивающие его суровость. Эта суровость, возможно, есть отражение сибирского климата и сибирского характера, тем более что основную часть работ мастера составляют образы Байкала, Ангары, Енисея, бурхана, шамана, тунгусов, бурят. Что касается образов животных, которые лепит семья Маркидоновых, то здесь многие работы, наоборот, вызывают улыбку. Это смеющиеся медведи, коты, ученые совы, свистульки-цыплята, сидящие в разъемном глиняном яйце, и даже свистульки-лунатики внутри «луны», покрытой кратерами. В целом стиль, в котором работают Александр и Надежда, можно назвать сурово-сибирский. Эти мастера также за-

Шаман. Автор А. Маркидонов

Гончар. Автор Г. Борисов

нимаются педагогикой, поэтому в промысле работают в основном в летнее время.

Семья мастеров, лепящая глиняные игрушки практически круглый год, это семья Голендеевых. Андрей и Марина Голендеевы работают в тальцинской гончарной мастерской с самого начала рождения промысла. В своем творчестве они стараются придерживаться традиций, поэтому лепят широко известные образы: барынь, коня, оленя, медведя, барана, козы, зайца, а также менее известные: сирина, алконоста, Полкана-богатыря, грифона.

Все указанные образы — свищульки. Кроме этого семья Голендеевых активно разрабатывает образы животных, обитающих на Байкале и в Сибири, а также образы населяющих наш регион людей. Первыми среди мастеров промысла они взялись за разработку игрушек-свищулек: нерпы, омуля. В результате поющий нерпенок стал визитной карточкой промысла, и этот образ есть в арсенале почти всех мастеров. При этом трактовка животного у всех различная. В свищулке-нерпе проявляется одна из характерных черт любого промысла, а именно вариативность одного и того же образа игрушки. При лепке семьей Голендеевых уже известных образов игрушки-свищульки расписываются акриловыми водостойкими красками. Как и в указанных выше семьях мастеров, Андрей лепит, а Марина расписывает изделия, находя свои варианты росписи, используя яркие контрастные цвета, придавая игрушкам праздничный, нарядный вид. При лепке образов, рожденных под влиянием байкало-сибирской темы, применяется и тиснение, и задымливание. Анализируя творчество этой семьи, можно отметить рост мастерства как в лепке, так и в росписи (при сравнении их работы пяти-шестилетней давности с нынешними можно сразу это увидеть), а также большой ассортимент выделяемых ими игрушек. Отрядным фактом стало участие в семейном промыс-

ле дочери мастеров Вали Голендеевой. При должном терпении и старании она достойно может заменить как папу в лепке, так и маму в росписи. Все работы юной мастерицы отличаются непосредственностью, необыкновенная живость и динамизм, несмотря на внешнюю статичность.

Рассказ о тальцинских мастерах будет далеко не полным без упоминания о еще одной семье — Таволжанских. Она является семьей настоящих промысловиков-кустарей, поскольку гончарный промысел — их единственный источник дохода. В тальцинском промысле они работают три года. За это время смогли не только вписаться в промысловые занятия по всем позициям, но и в чем-то уже превзойти в количестве и качестве «старожилов» промысла. Не являясь профессиональными керамистами по образованию, они стали таковыми на практике благодаря своей напряженной, ежедневной работе с глиной. В их творчестве отчетливо наблюдается тесное переплетение народных традиций и профессиональных методов в работе с материалом. Работы этих мастеров отличают композиционная завершенность, утонченный эстетизм, отличное владение керамическими технологиями. Рассматривая способы лепки, которые применяет эта семья, мы увидим в них развитие направления по изготовлению игрушек на гончарном круге. При этом Игорь Таволжанский делает заготовки на круге, а его жена Елена работает над игрушками дальше, расписывает их после обжига или наносит глазурное покрытие. Таким способом появились игрушки-свистульки «богатыри», «медведь», «баран», «лиса», «кот», «сова», а также такие свистульки-образы, как Байкал, Ангара, тунгусы и другие. Кроме игрушек Игорь выкручивает на круге горшочки и кринки, которые после обжига задымливает. Семья Таволжанских участвует в ежегодных областных выставках профессиональных художников и керамистов, представляя на суд зрителей работы совершенно другого порядка: декоративные панно, вазы, наборы посуды, скульптуру малых форм. Весной 2002 года в выставочном центре Музея истории города Иркутска состоя-

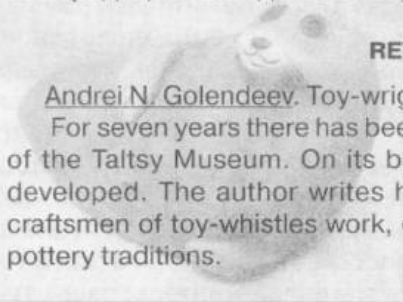

Нерпа. Автор А. Голендеев

лась первая персональная выставка этих мастеров под названием «На круги своя». Помогает родителям в промысле старший сын Андрей, человек также творческий, но, возможно, в дальнейшем свой потенциал он реализует в другой сфере деятельности.

Кроме упомянутых выше мастеров есть другие участники тальцинского промысла, работающие не постоянно: Любовь Васильевна Мурзина, Людмила Веснина, Юлия Горюнова, Валентина Минченко, Елена Владимировна Сотникова, Дмитрий Шкарбан.

Так что же такое тальцинская игрушка? Китчевая поделка или живое продолжение народных традиций изготовления глиняных изделий? На эти вопросы многочисленные посетители гончарной мастерской после знакомства с ней и промысловиками отвечают так: «Жива еще Россия!» Конечно, вне музея под открытым небом «Тальцы», без его удивительного гармоничного сочетания природной среды и деревянной архитектуры наших предков, без близости к музею сибирской жемчужины Байкала тальцинская игрушка не родилась бы. Недаром не сложилась, например, иркутская городская игрушка. Современная городская среда не может быть благодатной почвой для продолжения народных традиций в изготовлении игрушки. Препятствует их развитию и вал дешевых китайских игрушек и сувениров, несущих чуждую россиянам культуру, захлестнувший город. В этой связи возрастает роль музеев, подобных АЭМ «Тальцы» — островков, где реально сохраняется традиционная народная культура и в том числе народные промыслы, создаются условия для их развития. Время покажет, как сложится дальнейшая судьба тальцинского игрушечного промысла, станет ли он основой для закладки новых традиций по выделке сибирской, тальцинской игрушки.

REVIEW

Andrei N. Golendeev. Toy-wrights of Taltsy.

For seven years there has been working a pottery on the territory of the Taltsy Museum. On its basis an original potter's craft has developed. The author writes how the craft sprang up, how the craftsmen of toy-whistles work, continuing and developing ancient pottery traditions.

ИГРА В ЛОДЫЖКИ (по материалам экспедиции в с. Байкало-Кудара, Республика Бурятия)

*Александр Дмитриевич Назаркин,
фольклорист, этнопедагог детского
клуба «Восход»,
г. Иркутск*

Село Байкало-Кудара Кабанского района имеет древнюю историю. Упоминание о нем в исторических документах восходит к началу XVIII века. В XX столетии район входил в состав Иркутского округа Сибирского края до 1934 года.

Кабанский район, располагающийся в устье Селенги, исторически являлся центром культурно-экономического тяготения. Река была торгово-транспортной артерией, «фарватером» заселения этого района выходцами из Европейской России. С продвижением рубежей государства дальше на восток район стал приобретать черты сложного этнографического конгломерата.

Значимость района определила выбор территории обследования экспедицией Иркутского фольклорного клуба. Одной из запланированных тем собирательской работы было изучение народных игр.

По определению энциклопедического сборника «Игры», «игра есть такая форма проведения человеком свободного времени, которая, как правило, не направлена на достижение какого-либо практического результата, представляет собою индивидуальное или коллективное развлечение, регламентируется правилами, опирается на народные или групповые традиции, благодаря которым и реализуется любой личностью легко и с удовольствием».

Традиционные народные игры — это не застывшие музейные экспонаты, это живые, именно сейчас живущие игры. Нам повезло записать игру в лодыжки в игровом процессе. Играли 12- и 14-летние ребята, приехавшие на лето к прабабушке, Матрене Федоровне Новолодской, 1909 года рождения, уроженке села Байкало-Кудара. Опросив Матрону Федоровну, мы проверили точность наших записей.

Игра в лодыжки — это комнатный вариант игр с костями, который проводился в избе на Рождество в 20-е годы XX века. К празднику в каждом доме варили студень, при разделке которо-

го нужные косточки доставались ребятишкам для игры. Играющими могли быть 2–4 подростка, играли на столе или на полу. Игра этого рода не требует ни особой быстроты, ни силы, ни особого умения. Для успеха в ней нужны только хороший глазомер и ловкость руки.

Лодыжки — это кости из сочленений задних ног овец или свиней. Договорившись о вводимом в игру количестве костей и очередности, игроки начинают.

Первый этап игры. Первый игрок, собрав свои кости в ладони, трясет и выкатывает их на стол. Смотрит, как они легли: если положением «лунка», то такие косточки выбираются. Затем бросает свои кости другой игрок. Игрок, выбравший «лунки» быстрее, первым начнет второй этап игры.

Второй этап игры. Первый по праву игрок берет кости свои и другого игрока, катает их и смотрит на их расположение. В «лодыжах» различают три положения сторон: «лунка», «горбак», «шарога» (рис. 1). Если кость стала углублением вверх — это «лунка» (а), если кверху наиболее выпуклой стороной, спиной — «горбак» (б), если боковой плоской стороной — «шарога» (в).

Рис. 1. Положения лодыжек:
а — лунка, б — горбак, в — шарога. Рис. Е. Киселёвой

Игрок, катнувший кости, начинает их подбивать щелчками одну в другую: лунку лункой, горбак горбаком, шарогу шарогой. Подшибленную лодыжку игрок забирает себе. Выбив все возможное, игрок передает право катания следующему игроку. Игра продолжается до тех пор, пока на коне не останется 3–4 лодыжки, при катании которых выпавшие парные кости игроки хватают («имают») кто быстрее. Побеждает игрок, набравший в конце игры большее количество костей. Проигравшие получают щелчки в лоб, количество которых определяется разницей между вводимыми в игру костями и выигрышем каждого игрока.

Правила игры:

1) игрок передает право катания следующему, когда на выпало парных лодыжек;

2) передает катание следующему, когда не удался щелчок, промахнулся или задел не ту лодыжку;

3) при катании или щелчке косточки наскочили друг на друга, создав «чехарду», — передай катание следующему.

Игра в лодыжки представляет собой одну из разновидностей игр с костями и интересна уже тем, что она до некоторой степени напоминает своеобразные игры в кости греков и римлян. Игры в кости отмечены этнографами у многих народов: мордвы, пермяков, киргизов, калмыков, грузин, армян, бурят и русских.

Записанный нами на территории Республики Бурятия вариант игры отличается от тех, в которые играют буряты. Судя по сопоставительным справочникам, наш вариант близок описанию игры, бытовавшей в Вятской губернии. Из чего делаем вывод: игра пришла в описываемую местность из Центральной России, предположительно от выходцев из Вятской губернии.

Рис. 2. Дети, играющие в лодыжки. Рис. Е. Киселёвой

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.М. Народные игры и традиции России. — М., 1991.

Игры народов СССР. — М., 1985.

Игры Русского Севера. — Малаховка, 1987.

Игры: Энциклопедический сборник. — Челябинск, 1995.

Метод собирания и изучения народных игр. — М., 1992.

Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. — М., 1895.

REVIEW

Alexander D. Nazarkin. The game of ankles (on the materials of the expedition to the village of Baikalo-Kudara, Republic of Buryatia).

The description of the Russian traditional people's game, written down by the author at the mouth of the Selenga river at the place of its flowing into the Lake Baikal (Kabansk district of Buryatia). The ankles game is a sort of game with bones, wide-spread among many peoples of Russia and world.

ИРКУТЯНЕ В ИСТОРИИ ПОСОЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

*Тамара Александровна Крючкова,
кандидат исторических наук,
заместитель директора
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы» по фондовой работе,
г. Иркутск*

3 июля 2002 года мы, сотрудники Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Т.А. Крючкова, Ю.П. Лыхин, Л.В. Мельникова во главе с директором музея В.В. Тихоновым, посетили Посольский Спасо-Преображенский монастырь на Байкале. Наш интерес не был случаен. Наше желание не только увидеть своими глазами сохранившийся до сегодняшних дней Спасо-Преображенский собор, сооруженный в XVIII веке, красота и архитектурное величие которого, а также мощь белых каменных стен монастырской ограды с боевыми башнями некогда поражали всех приезжавших. Мы специально приехали сюда, чтобы побывать в одном из замечательных святых мест Восточной Сибири, в истории которого не раз появлялись фамилии иркутян. В этом мы убедились во время сбора материала о монастыре.

Монастырь был основан в 1681 году монахами, посланными по указу царя Федора Алексеевича и благословению патриарха Иоакима. Духовная миссия из 11 человек во главе с игуменом Темниковым Сретенского монастыря Феодосием приехала в Сибирь со специальным заданием: «построить монастырь во имя Живоначальной Троицы на Селенге-реке, и в иных даурских городах и острогах, призвать и крестить православную веру иноземцев» (2, с. 260). Царское задание было выполнено: Свято-Троицкий монастырь был заложен. Но одновременно на берегу Байкала, на отведенных монастырю землях на Посольском мысу были построены заимка и пустынь для обитания монахов. Мыс был назван Посольским потому, что 7 октября 1651 года здесь воинским отрядом забайкальского хана Турухай-табунана был убит русский посол Иерофей Заболоцкий со своим сыном Кириллом и семью сопровождавшими его казаками. Они направ-

лялись к монгольскому Цецен-хану с подарками и письменным согласием царя Алексея Михайловича на просьбу монголов принять их в подданство России. Убиенные были похоронены на месте убийства, над их могилами был поставлен общий крест.

Первоначально монахи построили часовню во имя Николая Чудотворца (по одним сведениям, по другим — во имя Знамения Пресвятой Богородицы) и келии для братии. А в 1700 году по благословию тобольского митрополита Игнатия часовня, к которой прирубили алтарь, была освящена как церковь, и с этого времени поселение монахов стало именоваться официально Посольским монастырем. В начале XVIII века у монастыря появился деятельный и богатый вкладчик — комиссар торгового каравана в Китай купец из города Яренска Григорий Афанасьевич Осколков. Он в 1706 году получил от тобольского митрополита Филофея Лещинского грамоту и благословение построить «своим коштом в Посольском пустынном монастыре церковь во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа и украсить святыми иконами и потребною утварью» (3, с. 150). На церковь он заготовил около 300 тысяч штук кирпичей, известь и другой строительный материал, а также по его заказу был сделан двухстванный резной иконостас. Из Центральной России им было привезено необходимое число книг, колоколов. Но готовую церковь Г.А. Осколков не увидел: 10 декабря 1714 года он неожиданно умер в пути, возвращаясь из Пекина с торговым караваном. Тело его привезли в любимый монастырь и погребли в специально сооруженном склепе в монастырском саду.

До своей смерти Осколков успел экономически поднять Посольский монастырь. Будучи в 1707 году в Москве, он добился у

*Посольский монастырь на восточном берегу озера Байкал.
Рисунок из неизвестной книги*

Спасо-Преображенский собор. 1773–1778 гг. Фото В.В. Тихонова, 2002 г.

императора Петра I передачи во владение монастыря земель под пашню и сенные покосы по берегу Байкала от Прорвы до речки Тимлюй, а также места для рыбной ловли в Корчинском соре и по берегу моря. Кроме того, он построил для настоятеля и братии келии, отдал во владение монастыря скотный двор с 35 лошадьми и всей упряжью, находящийся в 20 верстах от монастыря.

Братия монастыря частично осуществила мечту Г.А. Осколкова, соорудив церковь во имя Преображения Господня, но построила ее не из заготовленного кирпича, а из дерева.

При организации в 1727 году Иркутской епархии Посольский Спасо-Преображенский монастырь перешел из Тобольской епархии в подчинение иркутским иерархам. По отчетным данным 1728 года в монастыре «...монашествующих было 23 человека, в том числе игумен Иов, два иеромонаха, один иеродиакон, один схимонах Иоанн и 18 монахов. Монастырской казны состояло налицо 1661 руб. ... Монастырь имел следующие заимки: Степную, Рупышевскую и Куядскую. Пашенных крестьян у монастыря было пять семей, которые на монастырской земле распахивали по пяти десятин на двор, а в монастырь платили отсыпного хлеба по 50 пудов со двора на год. Остальную монастырскую пахотную землю 125 десятин обрабатывали вкладчики, коих было с малолетками 147 человек... Лошадиный табун состоял из 280 голов, рогатого скота сосчитано 188 штук...» (7, с. 832–833).

Наряду с такими подвижниками, как Григорий Афанасьевич Осколков, были люди, которые, исходя из своих корыстных целей, вредили христианско-просветительскому делу. Одним из таких был архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Антоний Платковский. Экономически и духовно окрепший Посольский монастырь чуть было не закрылся «стараниями» этого человека. В летописи монастыря есть такая запись: «В 1724-м году, по представлению в Святейший Правительствующий Синод Иркутского Вознесенского монастыря архимандрита Антония Платковского, по случаю возложенной на него по именному

повелению об учреждении в оном Вознесенском монастыре монгольского и китайского языков школы, в пособие в содержание во оной учителя и учеников, по указу Свят. правительствующего Синода, Посольский Преображенский монастырь... со всеми принадлежащими к нему угодиями и рыбными ловлями приписан к упомянутому Иркутскому Вознесенскому монастырю» (4, с. 166). Казалось бы, благое дело чуть не обернулось трагедией для монастыря. Воспользовавшись высочайшим указом, Платковский распорядился утварь церковную, ризницу и все монастырское имущество перевезти в Вознесенский монастырь, туда же были отосланы игумен Иов с братиею и со служителями. Монастырь обезлюдел, а часть монастырских денег Платковский присвоил. Махинации архимандрита довольно пространно описаны в книге протоиерея П. Громова «Начало христианства в Иркутске...». Дело в том, что А. Платковский сыграл нелицеприятную роль в судьбе святого Иннокентия Кульчицкого. Известно, что святитель Иннокентий, назначенный императором Петром I главой духовной миссии в Китай, по прибытии в 1722 году в Забайкалье неожиданно встретил препятствие для выполнения поставленной перед ним задачи: в Китае умер император, с которым была договоренность на проезд русской духовной делегации, а новый император решил высокую духовную особу — епископа Иннокентия — в пределы своей страны не допускать. Несколько лет между русским и китайским правительствами шла переписка по этому поводу. В 1726 году в Иркутск прибыл полномочный посол Савва Владиславович Рагузинский, который привез долгожданное разрешение на въезд духовной миссии в Китай. А. Платковский, которому очень хотелось побывать в богатом Пекине, решился на злостную проделку, описанную П. Громым: «Святитель Иннокентий был слаб здоровьем, преимущественно страдал головной болью. Платковский, выдававший себя за искусного в лечении... прислужился Святителю как-ким-то лекарством, и подал

Колокола для Спасо-Преображенского собора. Фото В.В. Тихонова, 2002 г.

Никольская церковь. 1802–1812 гг. Фото В.В. Тихонова, 2002 г.

Ему питье одуряющее; а коль скоро прием произвел действие, то Платковский привел Посланника в келью Святителя и указал на Него, как на болеющего от невоздержания» (1, с. 165). В результате духовную миссию возглавил А. Платковский, а святителя Иннокентия оставили в Иркутске и назначили главой вновь организованной Иркутской епархии. Впоследствии Платковский жестоко поплатился за свои поступки. Из Китая его с позором выдворили, наказали плетью и под конвоем привезли в Санкт-Петербург. Его дело рассматривали в суде Святейшего Синода, Платковского лишили сана архимандрита и присудили выплатить иркутским монастырям все незаконно захваченные им деньги. В дальнейшем он простым монахом был отправлен в Троице-Сергиев монастырь.

В 1727 году Посольский монастырь, по представлению преосвященного Антония митрополита Тобольского в Синод и сибирского губернатора князя Долгорукого в Сенат, был отчислен от Вознесенского и остался по-прежнему самостоятельным.

Каменное здание Спасо-Преображенского собора, сохранившееся до нашего времени, было построено в 1770-е годы. Этому предшествовало печальное событие: 22 октября 1769 года в Посольском монастыре случился большой пожар, которым полностью была уничтожена Знаменская церковь, а также значительно повреждены Преображенская церковь и настоятельские келии. В 1773 году был заложен двухпрестольный каменный собор, в котором решено было разместить обе сгоревшие церкви: в верхнем этаже — во имя Преображения Господня, а в нижнем — Знамения Пресвятой Богородицы. На постройку храма были

употреблены хранившиеся более полувека осколковские кирпичи. В 1774 году был освящен нижний Знаменский придел, а в 1778 — главный Преображенский храм.

При игумене Феодорите, который правил монастырем с 1817 по 1836 год, решено было устроить новый иконостас в главном Преображенском храме, иконы для которого писал иркутский иконописец и позолотчик Иван Андреевич Нефедьев. Об этом факте сообщил архимандрит Даниил в «Историческом описании Посольского Спасо-Преображенского монастыря...» (5). Но по заказу Феодорита в том же храме были расписаны стены и своды священными изображениями, взятыми из Библии, Ветхого и Нового Завета, росписи были также выполнены на стенах и потолках Никольской церкви. Возможно, что это тоже работа И.А. Нефедьева. Он родился в Иркутске в 1772 году. Отец его — Андрей Нефедьев — умер до 1785 года, когда Иван и его младший брат были еще маленькие, и мать Федосья Никитична воспитывала их одна. Известно, что И.А. Нефедьев выполнял художественные работы в Иркутском Вознесенском монастыре, в Якутии, а также в 1837–1841 годах писал иконы для иконостаса холодного храма Нерчинского Воскресенского собора. В Посольском Преображенском монастыре кроме икон он написал автопортрет, который висел в настоятельских келиях. В Иркутском областном художественном музее хранится портрет епископа Михаила Бурдукова (инв. № Ж-992), на обороте которого есть надпись: «Иркутскъ 1834 г. Нефед...». Скорее всего, автор этого портрета И.А. Нефедьев.

Кроме И.А. Нефедьева в Спасо-Преображенском монастыре работали и другие мастера из Иркутска. В строительстве Никольской церкви принимал участие иркутский цеховой Гавриил Григорьевич Кубеков. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) мы нашли документ, свидетельствующий

Раскопки в монастырском саду. Фото В.В. Тихонова, 2002 г.

о том, что в 1801 году он находился в Посольском монастыре (ГАИО, ф. 70, оп. 10, д. 11, л. 209 об.). Известно, что Гаврила Григорьевич, родившийся около 1765 года, вместе с братом Ильей (род. около 1767 г.) и отцом Григорием Кубековым (род. около 1748 г.) состояли в каменном цехе Иркутска. Они специализировались в кладке печей и возведении зданий из кирпича и камня. Все трое в 1782–1784 годах участвовали в строительстве Иркутской духовной семинарии. В 1785 году Гаврила Григорьевич жил в собственном доме в приходе Харлампиевской церкви по Троицкой улице, дом № 349. Был женат на дочери крестьянина Уриковской слободы Дарье Семеновне Поповой (ГАИО, ф. 50, оп. 6, д. 14, л. 3; ф. 336, оп. 1, д. 7, л. 41, 197 об.; ф. 592, оп. 1, д. 10, л. 2 об., 14 об., 44).

В начале XIX века вокруг монастыря была возведена каменная ограда высотой пять метров. Ее общая длина составляла 200 сажень, т. е. более 400 метров, на углах стояло пять башен. От пристани на берегу Байкала к монастырю вела каменная лестница. В сооружении этой стены также участвовали иркутяне. 22 января 1811 года иркутский мещанин Василий Тропин подписал контракт с игуменом Посольского Спасо-Преображенского монастыря Лаврентием Мордовским, согласно которому подрядился быть уставщиком по кладке каменной ограды с 15 апреля по 1 октября 1811 года, «притом и самому мне с тремя работниками работать» и класть печи в келиях (ГАИО, ф. 308, оп. 1, д. 88, л. 118, 118 об.). Иркутский цеховой Ефим Черемных, который значился подмастерьем по деланию из кирпича палат и печей в каменном цехе, в 1811 году «жительствовал в Посольском монастыре без увольнения» (ГАИО, ф. 70, оп. 1, д. 1546, л. 75), видимо, тоже участвовал в возведении каменной монастырской ограды. Иркутский мещанин Андрей Павлович Кошкарлов 10 февраля 1811 года подрядился для Посольского Спасо-Преображенского монастыря (строителю Власу Миронову) сделать 60 тысяч штук обожженных кирпичей по 7 рублей 50 копеек за тысячу, всего на 450 рублей, и сделать это непременно в течение 1811 года (ГАИО, ф. 308, оп. 1, д. 88, л. 148, 148 об.).

Иркутяне также управляли Посольским монастырем. В 1782–1792 годах игуменом был Феофил Борисов, уроженец Иркутска, из духовных, в монашество пострижен в 1776 году в Иркутском Вознесенском монастыре и в том же году определен при доме архиерейском духовником, а потом и членом духовной консистории. В 1792 году, «по случаю приключившейся ему игумену от паралича немоты, уволен он в Иркутск к родственникам», у которых в 1800 году скончался и погребен в Иркутском Вознесенском монастыре (5).

В 1800–1807 годах монастырем управлял уроженец Иркутска игумен Петр. В монашество он был пострижен в 1790 году и первоначально был экономом Иркутского архиерейского дома, в 1798 году определен игуменом Якутского Спасского монастыря и через два года переведен в Посольский Спасо-Преображенский монастырь. Он сразу же взялся за строительство новой каменной церкви во имя Святителя Николая. Благословение на строительство от иркутского епископа Вениамина было им получено в 1802 году. Но достроить церковь до конца он не успел: стены были выложены до сводов, когда в 1807 году его перевели в Киренский Троицкий монастырь на должность игумена, где он пробыл два года, потом по старости попросился на покой, в 1808 году перебрался в Иркутский Вознесенский монастырь, где и жил до своей кончины.

В 1920-е годы Посольский Спасо-Преображенский монастырь постигла участь многочисленных монастырей России: он был закрыт, и более 70 лет в его зданиях располагались клуб, школа, а затем больница для умственно отсталых детей. Автор статьи в 1981 году во время экспедиции по Байкалу посещала эти места. Впечатление от состояния бывшего монастыря было удручающим: запущенное здание Преображенского собора без крестов, с утраченным куполом, жуткие лица детей-олигофренов за покосившимся деревянным забором. Вечная красота Байкала не могла сгладить этого надругательства.

В конце XX века ситуация изменилась. 30 августа 1995 года здесь был зарегистрирован православный приход. В 1998 году я была свидетелем, как настоятель о. Виктор Смольников крестил детей прямо в Байкале. Удивительное и радостное событие. 9 марта 2000 года Спасо-Преображенский монастырь получил статус мужского монастыря.

При посещении монастыря мы — сотрудники АЭМ «Тальцы» — познакомились с иеромонахом Николаем (в миру Алексей Владимирович Кривенко), исполняющим обязанности наместника, и с членами братии. Нам показали раскопки на территории монастыря, в результате которых были найдены захоронение Е. Заболоцкого с сыном и фундамент часовни над могилой Г.А. Осколкова. В отремонтированной Никольской церкви с восстановленной над алтарем маковкой и крестом шли богослужения. Около нее стояло четыре колокола, привезенных из Воронежа, которые предназначены для колокольной Преображенского собо-

ра. Но пока идет его реставрация, колокола будут помещены на временно сооруженную звонницу. На территории монастыря лежат недавно напиленные доски, кирпичи, идут строительные работы. Возрождается и набирает силу еще один духовный светильник Восточной Сибири. Мы поднялись на соборную колокольню, с Байкала дул удивительно свежий ветер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов П. Начало христианства в Иркутске и Святой Иннокентий, первый епископ Иркутский, его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. — Иркутск, 1868.

2. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: Энциклопедический справочник. — Улан-Удэ, 2001.

3. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря Иркутской губернии (составлено около 1807 г. при игумене Лаврентии Мордовском чиновником IV класса) // Иркутские епархиальные ведомости. — 1872. — № 12. — Прибавления.

4. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря Иркутской губернии (составлено около 1807 г. при игумене Лаврентии Мордовском чиновником IV класса) // Иркутские епархиальные ведомости. — 1872. — № 13. — Прибавления.

5. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря Иркутской губернии (составлено в 1845 г. настоятелем оногo монастыря архимандритом Даниилом II) // Иркутские епархиальные ведомости. — 1872. — № 28. — Прибавления.

6. Тиваненко А.В. Посольский Спасо-Преображенский монастырь: (краткий исторический очерк). — Улан-Удэ, 2001.

7. Управление святителя Иннокентия 1728 г. Посольский Преображенский монастырь // Иркутские епархиальные ведомости. — 1863. — № 50. — Прибавления.

REVIEW

Tamara A. Kryuchkova. People of Irkutsk in the history of the Posolsky Monastery.

The article is devoted to the history of Posolsky Saviour Transfiguration Monastery on the Lake Baikal, founded in 1681, one of the most remarkable holy places in East Siberia.

В редакцию журнала «ТАЛЬЦЫ»
Уважаемая редакция!

В номере 1 (8) вашего журнала за 2000 год была опубликована статья О.В. Бычкова «Непогрязшая святость», посвященная истории возвращения мощей святителя Иннокентия Иркутского. Будучи непосредственным участником второго обретения мощей Святителя, отправляю вам свои воспоминания об этом событии. В начале 1992 года этот материал был отправлен епископу Иркутскому и Читинскому Вадиму, от которого мною был получен ответ (исх. № 13 от 22.01.92 г.) с благодарностью за присланные воспоминания. Поскольку некоторые факты в статье О.В. Бычкова и моих воспоминаниях расходятся, думаю, что присланный мною материал будет интересен для редакции.

Суважением, архитектор-реставратор высшей квалификации Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный деятель искусств России

Сергей Васильевич Демидов
3 июля 2001 года, Москва

О ВТОРОМ ОБРЕТЕНИИ МОЩЕЙ ЕПИСКОПА ИРКУТСКОГО ИННОКЕНТИЯ

О том, что нетленные мощи святителя Иркутского Иннокентия находятся в Ярославле, я узнал от архимандрита Евлогия (ныне архиепископ Владимирский и Суздальский) — первого наместника Московского Данилова монастыря, возвращенного за несколько лет до празднования 1000-летия Крещения Руси Православной церкви.

По имевшимся у о. Евлогия сведениям, мощи находились на одной из кафедр Ярославского медицинского института и использовались в качестве учебного пособия. Видел там мощи, сфотографировал их и отъял частицу один из потомков Святителя, которого я однажды встретил в Ярославском епархиальном управлении. Крепкий широкоплечий моложаво выглядевший старик с окладистой седой бородой вышел мне навстречу из каби-

нета архиепископа Ярославского Платона и был принят мною за одного из епархиальных священнослужителей. Но, как сказал затем владыка, это и был потомок епископа Иннокентия.

Зная, что я веду реставрационные работы в Костроме и Ярославле, о. Евлогий благословил меня навести справки о месте нахождения мощей епископа Иннокентия. В то время у наместника монастыря сложились хорошие отношения с Советом по делам религий, и в случае обнаружения мощей в мединституте были все основания полагать, что их без проблем передадут во вновь открываемый монастырь. Спустя какое-то время я познакомился с судебно-медицинским экспертом В.В. Смирновым, который 26 мая 1988 года принимал вместе с нами участие в обретенении мощей святителя Игнатия Брянчанинова, погребенного в Николо-Бабаевском монастыре. Он пригласил в гости на возглавляемую им кафедру посмотреть на хранящиеся у них любопытные экспонаты. В гости собраться так и не пришлось, но удалось выяснить, что, кроме мумифицированного тела какого-то знатного жителя г. Углича, других аналогичных экспонатов у них не имеется. О том, что мумифицированное тело происходит именно из Углича, сомнений не было, так как на него в институте были соответствующие документы.

Казалось, что нить поиска мощей святителя Иннокентия обрывалась. Но слабые надежды все же оставались. Ведь не на пустом же месте появились сведения о нахождении мощей именно в Ярославле. Тем более, что их видели в медицинском институте.

В год празднования 1000-летия Крещения Руси Ярославской епархии были возвращены мощи ярославских князей Федора, Давида и Константина, хранившиеся в запасниках музея в церкви Николы Надеина. Поскольку я руководил реставрацией только что переданного епархии Федоровского собора, мне вместе со священником Михаилом Перегудовым пришлось поехать в музей с целью снять размеры с мощей для спешного изготовления для них соответствующих облачений и временной раки. Вместе с хранительницей музея Еленой Андреевной Анкудиновой заходим в сумрачный северный придел церкви. Среди запыленных, ждущих реставрации музейных экспонатов на полу стоит широкий застекленный сверху ящик, где под папиросной бумагой находились нетленные мощи ярославских князей. Еще день-два и они будут перенесены в кафедральный собор. Его настоятель — архимандрит Михей (ныне архиепископ Ярославский и

Ростовский) отдал для облачения Федора приготовленные для себя схимонашеские одежды, а для детей — Давида и Константина, княжеские наряды спешно кроила и шила ночью староста собора Елизавета Николаевна Тарантина. Расставались музейные работники с мощями князей с сожалением — они их чтили, не раз обращались с просьбами и бывали услышанными.

Рядом с князьями, ближе к алтарю придела, обращал на себя внимание стоявший на полу второй застекленный футляр, в котором с небольшим наклоном на правый бок лежали нетленные обнаженные останки какого-то человека. Поражала прекрасная сохранность тела, видневшиеся во рту зубы, и даже, казалось, на щеках был румянец. Борода была едва заметна, руки сложены на груди по христианскому обряду. Все это приводило в трепет. Но, в то же время, такое кощунственное отношение к не преданным земле (или выкопанным) останкам православного человека и настораживало. Кто здесь лежал, Елена Андреевна не знала — никаких документов на этот «экспонат» в музее не имелось. Поступали команды останки уничтожить, но у музейных работников рука на это не поднималась. Несколько раз им приходилось протирать останки формалином, так как из-за повышенной влажности они покрывались плесенью.

А что, если это и есть разыскиваемые нами мощи святителя Иннокентия?! Ведь на иконах он изображался как раз с весьма редкой, едва уловимой бородой. Через своего сотрудника Александра Субботина, работавшего после смерти Г.Г. Оранской в Иркутске, прошу навести при очередной командировке необходимые справки. Кому передал мою информацию Саша, я не знаю, но спустя некоторое время, при очередном приезде в Ярославль, Е.А. Анкудинова сообщает мне, что из Иркутска в музей пришел запрос с приложением акта вскрытия мощей епископа Иннокентия 1921 года и нескольких фото. С этими документами Елена Андреевна, я и о. Михаил Перегудов вновь направляемся в церковь Николая Надеина. Сдерживая волнение, читаем акт, сравниваем с останками, делаем замеры — совпадение почти полное! Да и без акта по фотографиям видно, что перед нами, вне всякого сомнения, лежат нетленные мощи святителя Иннокентия. Могли ли ретивые иркутские безбожники, осквернившие мощи на святочной неделе далекого 1921 года, предполагать, что спустя почти 70 лет эти документы помогут вновь обрести, казалось бы, безвозвратно утерянную святыню.

При осмотре обнаруживается и неточность в акте: видимо, в спешке было записано, что у Святителя на левой руке один палец подогнут. На самом деле на левой кисти части двух пальцев отъаты. Одна часть мощей была отделена, видимо, до 1917 года, а вторая, вероятно, потомком Святителя, о котором мне рассказывал о. Евлогий. Над мощами епископа Иннокентия о. Михаил совершает краткую молитву, прикладываемся к нетленным останкам. О произошедшем событии о. Михаил незамедлительно сообщает архиепископу Пллатону.

Через несколько дней официальная комиссия проведет освидетельствование мощей Святителя. Из музейной витрины их переложат в гроб из красного дерева, в котором некоторое время после обретения покоились мощи святителя Игнатия Брянчанинова. К этому времени в Толгском монастыре для святых останков епископа Игнатия будет изготовлена новая рака. Пока улаживались вопросы перевозки мощей в Иркутск, они некоторое время находились в Толгском монастыре. Встреча же святыни в Иркутске достаточно подробно описана в «Журнале Московской Патриархии» (ЖМП) № 2 за 1991 год.

Но на этом история с мощами святителя Иннокентия не закончилась. Рассказ о втором обретении мощей я поведал как-то архимандриту Иннокентию (Просвирнику, +1994 г.) — заместителю главного редактора ЖМП митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. И от него услышал существенное добавление, которое все расставило на свои места. Оказалось, что мощи святителя Иннокентия действительно в 30-е годы были переправлены в Ярославль и попали в медицинский институт в качестве наглядного пособия. Епископ Иркутский Вениамин (возглавлял епархию еще в 70-е годы, когда я служил в Иркутске в армии) каким-то образом узнал о нахождении нетленных мощей в мединституте и, несмотря на перенесенные им долгие годы пребывания в тюрьмах, не побоялся написать письмо в Совет по делам религий с просьбой вернуть их в Иркутск. Письмо это вызвало, видимо, если не испуг, то замешательство в Совете, и по его указанию мощи были спешно и тайно перевезены в Ярославский музей, где они и находились как неизвестный экспонат. А епископу Вениамину ответили, что никаких мощей святителя Иннокентия в Ярославском медицинском институте не имеется и что он введен в заблуждение.

САРЕПТА — МИССИЯ НА ВОЛГЕ

*Андрей Витальевич Курышев,
ученый секретарь музея-заповедника
«Старая Сарепта», г. Волгоград*

Волгоградская область сравнительно не богата памятниками архитектуры. Тому причиной и целый ряд особенностей социально-экономического развития региона, и разрушительные последствия Великой Отечественной войны. Тем большего внимания заслуживают те немногие сохранившиеся до наших дней памятники, которые могут служить развитию культуры народов Нижнего Поволжья, воспитанию уважительного отношения людей к своему прошлому, любви к своему краю, своей Родине. К числу таких памятников относится и уникальный историко-архитектурный комплекс — то, что осталось от некогда цветущего поселка Сарепта, слава о котором гремела за пределами не только региона, но и России. Этот комплекс памятников входит сейчас в состав Государственного историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта», отпраздновавшего в прошлом году свой десятилетний юбилей.

Поселок Сарепта, основанный в 1765 году на берегах рек Волги и Сарпы, был первой и единственной колонией Братского Союза гернгутеров (Моравских братьев) на территории России. Призванные нести Слово Божье нехристианским народам (в России — калмыкам), сарептяне благодаря своему трудолюбию и высокой духовности в течение нескольких лет превратили свое селение в настоящий цветущий оазис среди пустынной степи. Получившая значительные привилегии от российских монархов Сарепта быстро развивалась в экономическом и культурном отношении. Уже к началу XIX века поселок стал одним из крупнейших торгово-промышленных и культурных центров Нижневолжского региона. Сарептяне внесли значительный вклад в развитие экономики Нижнего Поволжья, в общий рост и развитие легкой, обрабатывающей и пищевой промышленности России. Некоторые сельскохозяйственные культуры: горчица, картофель, табак и другие — на территории Нижневолжского края впервые

Жалованная грамота Екатерины II. Вещи первых поселенцев

стали выращиваться в Сарепте. Сарептский бальзам, горчичный порошок и масло, ткань «сарпинка» получили известность далеко за пределами государства. На протяжении конца XVIII–XIX века учебные заведения в колонии считались образцовыми, лучшими в регионе, а уровень образования и воспитания молодежи — высоким. Кроме школьного, некоторые сарептяне имели высшее образование. К началу XX века насчитывалось до 50 ученых, писателей, художников и музыкантов — выходцев из Сарепты. Ученые-колонисты достигли крупных успехов в области медицины, химии, физики, технологии промышленных производств, в выведении новых сортов культурных растений. Среди сарептян были историки, археологи, этнографы, лингвисты, зоологи, орнитологи, энтомологи и ботаники. Организованный в 1775 году близ Сарепты курорт минеральных вод в течение многих лет являлся местом отдыха и лечения российской аристократии. С научно-познавательными целями колонию посещали многие крупные ученые, писатели и путешественники России. Гостем Сарепты был и обладавший мировой известностью ученый и путеше-

ственник Александр Гумбольдт. Высокий экономический и культурный уровень развития колонии сохранялся вплоть до XX века.

После выхода из Братского Союза в 1892 году Сарепта постепенно потеряла свою самобытность, став одним из многих уездных городков России. Тем не менее история Сарепты связана со многими крупными историческими событиями на территории России: с крестьянской войной под предводительством Е. Пугачева, с депортацией немецкого населения в годы Первой и Второй мировых войн, Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, Гражданской войной в России, со Сталинградской битвой 1942–1943 годов и некоторыми другими.

Еще в середине XIX века население Сарепты стало являть собой многонациональное единство, конгломерат представителей различных живущих в мире и дружбе народов. Среди первых поселенцев Сарепты были этнические немцы, датчане, шведы, французы, бельгийцы, поляки, чехи. По мере экономического и культурного развития колонии в поселке стали селиться калмыки, татары, русские и украинцы. К сожалению, судьба жителей Сарепты в годы советского режима сложилась далеко не лучшим образом. Гонения на поволжских немцев обернулись запустением процветавшего прежде поселка. Всего лишь несколько лет назад началась реабилитация немцев России, стала восстанавливаться история Сарепты.

В августе 1987 года с инициативой организации музея истории Сарепты-Красноармейска выступила Комиссия содействия охране памятников истории и культуры при Красноармейском райсовете Волгограда. Была создана инициативная группа. Начались предварительные работы по сбору и обработке предметов старины, архивных документов и других будущих фондовых музейных материалов. В сентябре 1988 года Красноармей-

*Сарептская кирха, 1772 г.
Фото И. В. Бессаловой*

*Здание общинной управы бывшей колонии Сарепта, 1779 г.
Фото И.В. Бессаловой*

ский райисполком Волгограда утвердил план организационных мероприятий, согласно которому был образован оргкомитет по созданию будущего музея. Председателем президиума этого комитета стал П.П. Попов, впоследствии — первый директор музея. В 1989 году под музей отвели первое здание — сооружение 1774 года, в котором когда-то размещался торговый дом Сарептской братской общины. Утвердили первое штатное расписание музея. Произошли первые назначения сотрудников. Однако вскоре, учитывая уникальность историко-архитектурного комплекса бывшей колонии Сарепта и развитие научного и культурного потенциала создаваемого учреждения, музей Сарепты-Красноармейска решено было превратить в музей-заповедник, сменив его статус — с районного на республиканский. Несколько месяцев спустя Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 августа 1990 года № 296 для сохранения и возрождения памятников истории, культуры и архитектуры, традиционных производств и технологий, национальных обычаев и культур народов, проживающих на территории Волгоградской области, был образован Государственный историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта».

Практически на голом месте начинали обустройство музея первые работники-энтузиасты. Первым директором П.П. Поповым совместно с сотрудниками Государственного Исторического музея (г. Москва) разрабатывалась концепция музея-заповедника. Много разных событий произошло за время становления

музея. Был и упорный труд на еженедельных субботниках по расчистке завалов мусора из переданных на баланс нового музея шести зданий — памятников архитектуры. Были неудачные опыты организации музейной конюшни, производства сарептской колбасы и бальзама. Были первые удачные экспедиции по комплектованию фондов, первые научные публикации сотрудников, первые небольшие, но посещаемые выставки. В 1992 году сменился директор музея, обновился коллектив сотрудников.

В настоящее время музей-заповедник занимает территорию 10,4 гектара, в его состав входят 29 зданий — памятников истории и архитектуры XVIII—XIX веков. Структуру музея составляют: фондовый, научно-методический, экспозиционный, туристско-экскурсионный, редакционно-издательский отделы, Экспериментальная немецкая библиотека, центры национальных культур, типография, автохозяйственная часть, служба безопасности и некоторые другие подразделения, общей численностью около ста человек. К услугам посетителей и гостей «Старой Сарепты» работают гостиница, кафе и небольшая автостоянка. Объем музейных коллекций составляет 20 тысяч единиц хранения. В собрании фондов музея имеются коллекции экспонатов, отражающих историю колонии Сарепты и этнографию населявших ее народов, научный архив и библиотека, видеотека, фонотека, фотоархив, документальные материалы по истории немцев Поволжья, колонии Сарепты и Красноармейского района Волгограда, архив музея-заповедника «Старая Сарепта», именные ар-

Научная конференция «Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России». Фото И.В. Бессаловой. 2001 г.

Участники международного фестиваля национальных культур «Сарептские встречи-2001». Фото И.В. Бессаловой

живы, ботаническая и энтомологическая коллекции, экспонаты и материалы по Великой Отечественной войне, сталинским репрессиям и депортации немцев Поволжья. С перечнем наиболее ценных коллекций, изображениями наиболее уникальных экспонатов, их аннотациями и общей информацией о работе музея можно ознакомиться в компьютерной сети Интернет.

Начиная с 1995 года в «Старой Сарепте» проводятся ежегодные научные региональные, а иногда и международные конференции и семинары. По итогам конференций издаются сборники научных статей отечественных и зарубежных ученых: историков, этнографов, археологов, ботаников, географов, архитекторов и искусствоведов. Так, например, в апреле 2000 года в музее прошла международная теологическая конференция «Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепты в XVIII–XX веках. Взаимопроникновения в области истории, науки, религии, культуры». По материалам конференции готовится к изданию сборник статей на русском и немецком языках.

За время существования музея на территории «Старой Сарепты» и за ее пределами было организовано свыше 50 передвижных и стационарных, обзорных и тематических выставок. Крупнейшей из передвижных выставок была «История немцев Поволжья (Сарептская мозаика)», экспонировавшаяся более года в музее «Крепость Шпандау» (Берлин, Германия). Наиболее значительными из стационарных выставок являлись: «Миссионеры Сарепты и калмыки Нижнего Поволжья», «Дом немецкого

колониста конца XIX – начала XX века», «Усадьба крестьянина юга России конца XIX – начала XX века». Две последние действуют по настоящее время.

Средствами музея-заповедника, Комитета по культуре Волгоградской области и Министерства культуры Российской Федерации ведутся работы по ремонту и реставрации музейных зданий-памятников истории и архитектуры. Полностью отреставрировано два здания, частично — три, ведется разработка четырех. В настоящее время «Старая Сарепта» имеет статус памятника историко-культурного наследия России федерального значения.

Экспериментальная немецкая библиотека музея удовлетворяет потребности не только жителей Волгограда, но и зарубежных гостей города. В библиотеке имеется научная, справочная и художественная литература на двух языках для разных возрастов читателей, видео- и фонотека. В помещении читального зала организуются выставки книг и детского творчества, проходят международные встречи, устраиваются литературные гостиные.

Музей-заповедник имеет лицензию на международную туристическую деятельность. Услуги по обслуживанию туристов и экскурсионные маршруты сертифицированы государством. «Старая Сарепта» сотрудничает с туристическими фирмами Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира и других городов России по обмену группами туристов.

Издаваемая музеем газета «Новости Сарепты» имеет приложения на нескольких языках и является газетой международного общения жителей Волгоградской области.

При музее работает пять национально-культурных центров: немецкий, русский, украинский, татарский и калмыцкий. Центры занимаются изучением и возрождением нацио-

«Сарептские встречи-2001».
Любанский ансамбль народной песни «Ярыца» (Беларусь). Фото И.В. Бессаловой

«Старая Сарепта». Выставка творческих работ народных умельцев «Аллея мастеров». Фото И.В. Бессаловой. 2001 г.

нальных традиций и языков. Практически при каждом из центров имеются свои творческие коллективы и объединения. Общее их количество на сегодняшний день — 27, число проводимых мероприятий в год — 152. Ежегодно музеем проводятся фольклорные праздники и, начиная с 1995 года, международный фестиваль национальных культур «Сарептские встречи». В 1999 году комплексный музейный проект «Сарепта — оазис для пяти народов, три века добрососедства и согласия» стал победителем конкурса «Европа — общее наследие», проводимого под эгидой Совета Европы, Европейского союза и Фонда бельгийского короля Бадуина, и получил денежный приз в размере 6 тысяч евро. В течение последних трех лет музей неоднократно выигрывал гранты РГНФ и Фонда Сороса.

Музей «Старая Сарепта» имеет прочные связи с рядом зарубежных партнеров из Германии и Чехии, в том числе с представителями Гернгутской общины в городах Гернгут и Ниски (Германия). Устанавливаются связи с коллегами из США.

Ведется и работа по развитию народных промыслов. При музее трудятся народные мастера-умельцы. Организуются выставки декоративно-прикладного творчества, ярмарки-распродажи изделий. Разрабатывается концепция изготовления сувенирной историко-этнографической керамической миниатюры, отрабатывается технология производственного процесса.

Перечислять направления и виды деятельности музея-заповедника «Старая Сарепта» можно было бы еще долго. Но, как говорится, лучше один раз увидеть... Поэтому музей открыт для разностороннего сотрудничества, готов принять участие в совместных научных, культурных, музейно-выставочных проектах и ждет своих гостей и посетителей.

ОСКОЛКИ АРХИТЕКТУРНОГО КОНТИНЕНТА* ИНДИКАТОР ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

*Вячеслав Петрович Орфинский,
академик, профессор, директор филиала
Московского НИИ архитектуры
и градостроительства,
г. Петрозаводск*

Резюме предыдущего раздела — не открытие, ибо ни для кого не секрет, что первопричина всех наших бед — размытость нравственных представлений и моральных запретов. Известно и лекарство от недуга — приведение юридических норм в соответствие с нравственными. Но применить лекарство на практике оказалось отнюдь не просто, поскольку «юпитеры» уверены, что соответствие морали и закона обязательно для всего общества, кроме их самих, а различные сословия, кланы и индивидуумы, подражая лидерам, к числу исключений явочным порядком относят и себя. В таких условиях наивно было бы надеяться, что здравый смысл и инстинкт самосохранения смогут преодолеть слепоту индивидуального и группового эгоцентризма. Поэтому у правительства и общества, включая «убежденных» атеистов, не оставалось ничего другого, как прибегнуть к помощи церкви. И это, думается, закономерно: ведь христианство, как и другие монотеистические религии, возникало на рубеже античности и средневековья, когда разрушительный потенциал человечества поставил под угрозу само существование земной цивилизации.

В самом деле, в рамках язычества, не сдерживавшего эгоцентрические инстинкты, люди не ощущали ни своей персональной ответственности за содеянное, ни побуждений к моральной самооценке, что стимулировало бездуховность и произвол. В такой ситуации в период катаклизмов, как известно, и возникла объективная необходимость в идеологических преобразованиях, способных заполнить духовный и душевный вакуум.

Роль такого «преобразователя» в Древней Руси во многом сыграло христианство, для которого благодаря личностному

* Начало в №№ 1 (13), 2 (14). Печатается по тексту, опубликованному журналом «Север» (1999. — № 11. — С. 106–110).

пониманию абсолюта, по словам С. Аверинцева, «Бог раскрывается в исторически неповторимом человеческом лице Иисуса Христа как лице абсолюта, равного двум другим лицам Троицы. Вместе с ним реальное соединение божества со всей природой человека, с его телом, душой, умом и волей означало не только схождение Бога к человеку, но и восхождение человека к Богу».

Помимо усложненных, глубоко теософичных догматов, христианское вероучение содержало положения, доступные для неискушенного сознания вчерашних язычников (что в равной степени справедливо как для средневековой Руси, так и для постсоциалистической России). К ним относится изначально порожденное жаждой справедливости учение о «Страшном суде» — о воскресении во плоти в судный день всех когда-либо умерших для воздаяния за земные дела вечного блаженства в раю или вечных мучений в аду, что объективно заставляло людей задумываться о природе добра и зла и осознавать личную ответственность за свои помыслы и поступки, без которой невозможно ни самоусовершенствование индивидуумов, ни, шире, социальный прогресс в более или менее развитом человеческом обществе. Но главная нравственная суть новой религии — идея искупления, воплощенная в догмате вочеловечения Бога и в великом подвиге Иисуса Христа.

Дорога постижения не буквы, а сути христианства — длинна и терниста. Об этом просто и доходчиво сказал в конце 1980-х гг. священник Николай Емельянов в селе Вилегодское Архангельской области, где я побывал во время одной из историко-архитектурных экспедиций: «Есть три типа верующих. Первые — это рабы. Они служат Богу из страха наказания. Вторые — наемники, служащие в расчете на будущее блаженство. И, наконец, третьи — сыновья, которые возлюбили Бога, потому что они иначе не могут. Последние — наша цель. Но нужно пройти все ступени, не перескакивая, да их и не перескочишь».

В свое время, ориентируясь на массовое сознание, адепты христианства предусмотрели ряд «поблажек», облегчающих для вчерашних язычников бремя нравственной ноши. Примеры тому — отпущение грехов, позволяющее выправиться оступившемуся человеку и трактуемое в Новом Завете как проявление милосердия Христа. Вместе с тем, акт милосердия, осуществленный во имя Спасителя церковнослужителями, способен менять свою нравственную окраску (что некогда доказала католическая церковь, поставив на поток торговлю индульгенциями — папскими грамотами об отпущении как совершенных, так и еще не совершенных, будущих грехов).

Но легко объяснимые и логически оправданные «поблажки» неизбежно вызвали негативные последствия. Так, необязательность святости делала духовных пастырей нестойкими против людских соблазнов, и потому случаи нарушения библейских заповедей среди духовенства не являлись исключениями, что неизбежно приводило к разрыву слова с делом, порождало лицемерие и снижало нравственный авторитет церкви. Естественно, что плевелы наиболее пышно расцветали в тепличных условиях, например, при теократических режимах. Правда, закономерным итогом развития всей европейской цивилизации стало отделение церкви от государства, но отделение не означает удаления, и потому метаморфозы нашей страны в той или иной мере сказывались на церковной организации: вслед за обрушившимся на духовенство социалистическим террором по «закону маятника» наступил постсоциалистический период наибольшего благоприятствования, который фактически вывел русскую церковь из поля критики и породил среди части священнослужителей вседозволенность. Примером тому явилось пренебрежение общечеловеческими культурными ценностями, проявлявшееся при модернизации древних храмов.

Изменение отношения светского общества к духовенству вполне естественно и закономерно: тут и покаяние за допущенную в прошлом несправедливость, и жажда духовного и душевного обновления, и прагматическое стремление властных структур переложить обременительные нравственно-воспитательные функции на чужие плечи. Не менее закономерна и реакция на такое изменение, особенно наглядно проявившаяся в сфере естественного взаимодействия государственных, общественных и церковных организаций, связанного, по словам митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, с проблемами милосердия, сохранения мира, реставрации культуры, духовного возрождения народа.

Рассмотрим вопрос на примере интересующей нас проблемы, начав с частности — с распространившейся в последнее время новой для нашей страны тенденции: фактического поощрения настоятелями некоторых сельских храмов краж церковных ценностей. Во всех случаях, а их только в одной Архангельской области, по данным сотрудников областного музея изобразительного искусства, уже насчитывается более 15, события разворачивались по общей схеме: священники отказывались возбуждать уголовное дело по фактам хищения икон, аргументируя свое «непротивление злу» стереотипной фразой «Бог дал — Бог взял». Но ведь некоторые из этих икон пред-

ставляли культурную ценность и были весьма энергично изъяты из музейных коллекций. Поэтому трудно расценить поведение пастырей как проявление «нестяжательства». Естественнее предположить, что во всех подобных случаях проявлялось просто их нежелание вступать в конфликты с криминальным миром, поскольку возместить потери можно было более простым и безопасным способом за счет все тех же музеев.

Теперь обратимся к наиболее наглядным проявлениям изменений общественного сознания на примере менталитета мирян, работающих на различные церковные структуры и потому не без влияния материальных стимулов нередко становившихся «большими католиками, чем сам папа».

Показательна в этом отношении трактовка некоторыми ангажированными церковью архитекторами неоднократно рассматриваемой нами проблемы воссозданий. «Чудо свершилось на наших глазах, — заявил на «Академических чтениях» 1998 г. профессор В. Виноградов. — В сказочные сроки восстановлены храм Казанской Божией Матери и Воскресенские ворота с часовней Иверской Божией Матери на Красной площади. Незаметно произошло преобразование главного ансамбля страны. Там, где еще совсем недавно происходили ритуальные коммунистические шествия и торжественные праздники, вдруг образовалось новое явление — открытое ежедневное богослужение во имя Христова. Народ очнулся от кошмарного летаргического сна».

И далее: «Начало восстановления Храма Христа Спасителя повергло многих в шок. Это было настолько грандиозно, так неожиданно при **всеобщей разрухе** (выделено мною. — В. О.) и так захватывающе, что невольно возникло сомнение — возможно ли это осуществить в реальности?»

...Все казалось какой-то невероятной фантазмагорией. Громадное количество людей оказались втянутыми в этот новый водоворот событий, открывая для себя реальную дорогу к Храму Всевышнего и Храму своей души. Разброд сознания населения переходного периода от тоталитаризма к демократии, проявившийся во множестве контрастных рассуждений, умозаключений, разнонаправленных деяний, вдруг стал приобретать созидательный характер».

Признаюсь, риторика профессора повергла меня в смятение, пробудив воспоминание о множестве древних разрушающихся из-за недостатка средств российских храмов, в том числе и в самой Москве. Но особенно ярко перед глазами встала картина: деревянная часовенка святого Пантелеймона на острове вблизи карельской деревни Лахта с провисшим потолком притвора,

под которым чуть ли не на четвереньках проползают старушки, чтобы преклонить колени перед святыми для них иконами. Неужели они, всю свою сознательную жизнь сохранявшие веру в Спасителя, не заслужили на старости лет права облегчить душу молитвой без риска быть погребенными под руинами храма?

А сколько таких церквей и часовен на Российском Севере молча взывают о помощи? Сколько стариков, воистину совершивших подвиг: спасших самим фактом своего существования колыбель народной культуры — традиционные деревушки, лишены возможности посещать «Храм своей души», по патетическому выражению В. Виноградова.

Здесь уместно провести историческую параллель. XVII век. После «великой смуты» межцарствия Русь поднимается из запустения не менее страшного, чем разруха современной севернороссийской деревни. Анализируя писцовые и переписные книги заонежских погостов XVI–XVII вв., историки И. и О. Черняковы установили, что, опережая темпы роста населения, сразу после межцарствия, в начале XVII в. в заонежских погостах было возведено почти столько же храмов, сколько их существовало на конец предыдущего, XVI столетия, и в два раза больше, чем было построено во все последующие годы столетия XVII. При этом важно подчеркнуть, что в период наиболее массового строительства возводились преимущественно скромные клетские церковки. Заказчик большинства из них — крестьянский мир — не допускал даже мысли о том, чтобы единичный храм в период всеобщей разрухи мог бы стать альтернативой массовому храмостроительству (храмовосстановлению).

Но существует и иная логика, суть которой, по В. Виноградову, — «образно-символическое просвещение человека через образы каменной летописи Божественных скрижалей (домостроительство Божие)», которое становится «магистральным направлением развития общества — ноосферной экологией». При этом Виктор Алексеевич считает, что архитектурное наследие — основа гармонии бытия, а защита наследия во всем его «многообразии, подлинности и богатстве» — краеугольный камень «планетарной доктрины Землеустройства на основе уже выработанных человеческих целей развития...». В целом рассуждениям В. Виноградова явно не хватает конкретики. В частности, профессор считает возможным «вносить осязаемый контекст утраченной и невозможной подлинности произведения методами музеефикации сохранившихся документальных свидетельств». При такой расширенной трактовке одного из основополагающих в реставрации понятий «подлинной» можно считать

и умозрительную форму колокольни церкви Казанской Божией Матери, и облицовку храма Христа Спасителя, выполненную из заморского мрамора вместо былого наряда из российского известняка. (Кстати, в годы тоталитаризма высказывалась идея облицевать мрамором кирпичные стены Московского Кремля, но услышанные властью (!) возражения здравомыслящих специалистов помешали ее осуществлению.)

Все сказанное приобретает особый смысл, если учесть, что Виктор Алексеевич в настоящее время занимает ответственный пост в Министерстве культуры РФ, а до этого одновременно являлся главным архитектором ведущей в стране реставрационной организации — проектного института «Спецпроектреставрация» — и заведующим кафедрой архитектуры Всероссийской Академии живописи, ваяния и зодчества.

Более ответственной и, к сожалению, не совсем типичной для церкви и ангажированных ею архитекторов позиции придерживаются некоторые представители просвещенного духовенства. Один из них — уже упомянутый священник Николай Ермолаев, с которым я впервые встретился в 1980-х гг. в Вилегодском райкоме КПСС, куда независимо друг от друга мы пришли просить о спасении памятников деревянного зодчества. (Естественно, безрезультатно.)

Следующая наша встреча состоялась через несколько лет во время моей командировки в Москву. Отец Николай каким-то чудом разыскал меня в огромном городе и попросил рекомендовать ему хорошего реставратора для приведения в порядок одного из московских храмов XVII в., настоятелем которого незадолго до этого он был назначен.

Ярчайшее впечатление произвела на меня встреча с кондопожским священником Львом Большаковым — человеком интеллигентным, получившим, помимо богословского, техническое и искусствоведческое образование и являющимся учеником выдающегося петербургского историка архитектуры и археолога П.А. Раппопорта.

В 1994 г. отец Лев председательствовал на конференции по поводу 220-летия Успенской церкви в Кондопоге, организованной по инициативе местного прихода, в котором после 59-летнего перерыва его стараниями были возобновлены службы.

Открывая конференцию, иерей отметил, что ее цель вполне практическая: «Обосновать восстановление жилой и трудовой сельской среды вокруг храма, дать толчок развитию естественной жизни, к которой принадлежит и церковь». «Тот факт, что цер-

ковь сохранилась, не перевезена со своего места и более того — действует как храм, позволяет надеяться, что способность к творчеству и теперь не угасла вовсе, что возрождением храма начнется преобразование и возрождение всего жизненного пространства, к которому он принадлежит, и не в музейном, а в полном сегодняшнем актуальном решении».

Благодаря Льву Николаевичу конференция в Кондопоге была поднята до всероссийского уровня, обеспеченного участием в ней известных ученых из Петрозаводска и Санкт-Петербурга. Но самым ценным, на мой взгляд, стала заинтересованная активность самих кондопожан, показавшая, что надежда священника на возможность духовного возрождения населения периферийного городка хотя бы в рамках церковного прихода — не утопия.

Немало успел сделать Лев Большаков за последующие пять лет: по его инициативе с помощью и при непосредственном участии молодого архитектора Ирины Кабановой недостроенная городская котельная была реконструирована в уютную зимнюю церковь, вынашиваются планы создания заповедной территории, охватывающей бывшую деревню Кондопогу, ныне входящую в городскую черту и включающую охранную зону Успенской церкви. Но основная заслуга Льва Николаевича — постоянная забота о самом Успенском храме — памятнике архитектуры федерального значения и, по моему мнению, лучшей деревянной шатровой церкви России.

В действенности усилий священника-энтузиаста воочию убедились участники международного симпозиума 1999 г., ощутившие в церковном интерьере чарующее сочетание эпического величия сооружения, доставшегося нам в наследство от пращуров, с уютом и ухоженностью, созданными неустанными заботами современников. И при этом никакого показного благолепия. В частности, сетка бумажных полосок на образах иконостаса и неба, укрепляющая их красочный слой, не только не раздражает своей утилитарной «неэстетичностью», но наоборот, пробуждает у посетителей чувство благодарности за заботу о храме и его убранстве и уверенность, что они находятся в добрых и надежных руках. На редкость тактично вкомпонована в древний иконостас новая храмовая икона, написанная вполне профессионально супругой Льва Николаевича. Она органично сочетается со строгими ликами подлинных икон и, вместе с тем, заметно отличается от них колоритом и манерой исполнения, явно не имитируя иконописные традиции, а творчески интерпретируя их.

Хуже выглядит Успенская церковь снаружи из-за сильного крена и значительной просадки ее храмового столпа по отноше-

нию к прирубам алтаря и трапезной. Насколько опасны эти деформации? Увы, на этот вопрос нет ответа — из-за отсутствия средств у настоятеля храма ему так и не удастся провести серьезные исследования и осуществить в необходимом объеме консервационно-реставрационные работы. И хотя кое-что Льву Большакову все же сделать удалось — проводился эпизодический осмотр храма и микологический анализ его древесины, Министерство культуры республики пытается включить в план 2000 года проведение первоочередного ремонта, институт «Спецпроектреставрация» из Санкт-Петербурга предложил бесплатно проводить регулярный геодезический мониторинг. Но все это — капли в море. Реальную помощь мог бы оказать Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат — фактический хозяин города бумажников, но пока дирекция предприятия такой инициативы не проявляет. Впрочем, вопрос о взаимоотношениях Кондопожского ЦБК и Успенской церкви имеет давнюю историю.

Так, лет 30 назад тогдашний директор комбината В. Холопов вознамерился выдворить всемирно известный храм из города куда-нибудь подальше, например, на остров Кижь. На защиту памятника поднялась общественность, и началась длительная баталия, одна из тех, которые в былые времена обычно заканчивались безоговорочной победой промышленных предприятий. Но на этот раз привычная схема не сработала, и храм не был перевезен в Кижский музей-заповедник. Бесспорная заслуга в этом принадлежит прессе, и в первую очередь взволнованным и убедительным публикациям Галины Скворцовой на страницах «Комсомольца».

То ли преемники В. Холопова так и не примирились с поражением, то ли у них выработалась привычка не замечать стоящую на задворках ЦБК деревянную красавицу, но все эти годы одно из богатейших в республике промышленных предприятий так и не протянуло руку помощи бедствующему храму. И хотя нынче уже никто, во всяком случае вслух, не сомневается в ценности архитектурного шедевра, ставшего наряду с ЦБК символом Кондопоги, положение не меняется — привычка вещь упрямая.

Поэтому, увы, мне не остается ничего другого, как вновь произнести уже успевшие набить оскомину, многократно повторявшиеся на разные лады слова о том, что наша одичавшая после октября 1917 г. страна так и не вырастила просвещенных меценатов и спонсоров, подобных Савве Морозову и братьям Третьяковым, навечно вписавшим свои имена в историю отечественной культуры.

Отношение к культурному наследию своего народа — один из

объективных показателей цивилизованности общества — со всей очевидностью свидетельствует об особом историческом пути России, для которой «развитой социализм» стал фикцией, а капитализм так и не вырос из ползунков. Видимо, поэтому жадность и эгоистические инстинкты элиты расслоившегося общества мешают ей осознать свой нравственный долг.

Как известно, в России такая бездуховность царила не всегда. По словам Н.А. Бердяева, «начало XX века ознаменовалось у нас ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувственности. Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в это время».

Рубеж XIX–XX столетий обычно называют русским серебряным веком, который в архитектуре ознаменовался обращением к народной культуре и фольклору, интерпретируемым на основании личного эмоционального отношения зодчих к отечественному наследию. Не случайно начало нового столетия ознаменовалось созданием эпопеи «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря и пластикой сооружений мастеров неорусского стиля А.В. Щусева и В.А. Покровского. И если французский поэт-романтик Эдмон Ростан утверждал: «Вдвойне прекрасно бесполезное», то для тогдашней русской культуры более типичным стало убеждение в «пользе красоты», способной спасти мир, повернув вспять «реку времен» (от серебряного века к золотому).

Но сила духовного порыва во многом оказалась иллюзорной, а порожденное ею встречное течение вызвало только водоворот, преодолев который, река продолжила свое стремление к «пропасти забвения», по пути сметая дела человеческих поколений и лишая смысла прожитую ими жизнь. Но мыслящие существа не могут, не должны примиряться с бессмыслицей, а раз так, то возможны новые водовороты, и в конце концов не исключено, что ослабленный в борьбе с ними поток, умерив свой бег, разольется широким плесом.

Да, это возможно, но при условии, что люди искренне поверят в смысл своего существования и обретут надежные точки опоры в борьбе с роковой стихией — силой внешних обстоятельств и атавизмами собственных инстинктов. Спасительными могут оказаться только коллективные усилия, но осознать их необходимость каждый должен индивидуально. Надеюсь, что настоящий очерк послужит импульсом для размышления по этому поводу.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕЕ СОХРАНЕНИЯ

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

XX век остро обозначил проблему сохранения традиционной народной культуры, в особенности ее материальной составляющей, катастрофически быстро исчезающей из повседневной жизни под натиском новых, уже единых для большинства человечества форм существования цивилизации. Новые материальные формы цивилизации, ставшие доминирующими во всех сферах человеческого бытия, активно, в особенности в последние годы, вытесняют уже из самых удаленных уголков земного шара остатки социумов, придерживающихся патриархально-го образа ведения хозяйства. Этому, естественно, способствуют современные формы коммуникационного сообщения, интенсивное развитие промышленности и сельского хозяйства. Из жизни уходит веками сложившаяся историко-культурная среда, основная составляющая традиционной народной культуры, материальная и духовная составляющая этносов и этнических групп. Катастрофически быстро идет утрата национальных корней, которые в определенной степени являются духовным стержнем любого самостоятельного государства. Новые формы цивилизации значительно урбанизировали общество и не только стали основными в городе, но и с некоторой задержкой овладевают сельской местностью. Практически полностью вытеснено кустарное производство, определявшее в недалеком прошлом облик как большинства городов, так и населенных пунктов в сельской местности. Именно патриархальное мелкотоварное производство диктовало в прошлом характер застройки, объемы и архитектуру зданий, быт. Интенсивная миграция населения, в последнее десятилетие усилившая взаимопроникновение культур, агрессивное внедрение в повседневную жизнь элементов массовой культуры в

какой-то степени обусловили формирование такого феномена, как единая массовая общечеловеческая культура, практически захватившая основные позиции современной цивилизации, что приводит к окончательной утрате человечеством своих национальных корней. Значительную роль в исчезновении материальных форм традиционной народной культуры играют современные, отличные от традиционных, методы и принципы градостроительства. Интенсивно способствуют изменению историко-культурной среды пожары, целенаправленные разрушения — уничтожение построек для освобождения места под новое строительство — заводов, гидроэлектростанций, новых городов и т. д. Политические решения (характерные в основном для недавнего прошлого России) по уничтожению культовых построек и неперспективных деревень довершают картину изменения облика населенных пунктов, коренным образом меняют характер исторической среды обитания человечества, архитектуру населенных пунктов, исторический ландшафт. Катастрофически быстро исчезают из нашей жизни, буквально на глазах одного поколения, многие элементы человеческой материальной культуры (в некоторых случаях уже безвозвратно утеряны). В особенно плачевном состоянии в силу своей специфики — недолговечности, и уже по большей части утраченным оказалось деревянное зодчество.

Фото 1. Бурятская юрта. Конец XIX в. Остров Ольхон, пос. Халгай. Фото И.Ю. Бержинского, 1994 г.

пос. Дарьинка. Фото И.Ю. Бержинского, 1994 г.

Фото 2. Морозильные камеры и рыбозасолочные цеха Маломорского рыбозавода. Остров Ольхон, пос. Песчанка. Фото И.Ю. Бержинского, 1996 г.

К концу XX века Россия потеряла более 80 % деревянных храмов, зафиксированных до 20-х годов XX века.

Проблему актуальности сохранения традиционной народной культуры и, в частности, уникального деревянного зодчества России начиная с XIX столетия и по наши дни постоянно поднимали такие известные ученые и общественные деятели, как П.Д. Барановский, Б.В. Гнедовский, А.В. Ополовников, И.В. Маковецкий, В.П. Орфинский, М.И. Мильчик и другие. Именно их стараниями российский народ не стал окончательно народом, не помнящим своего родства. Но положение печальное. В.П. Орфинский в своей публицистической статье «Осколки архитектурного континента» (1999 г.) приводит примеры преступно равнодушного отношения определенных слоев населения, в особенности наделенных властью, к пока еще сохранившимся остаткам уникального деревянного зодчества Русского Севера. Он ставит принципиальный вопрос: что переживает народная культура Карелии (читай России) — «кризис или катастрофу»? (Так он и называет свою работу.) Можно привести примеры и по Иркутской области. В 2001 году автор данной статьи принял участие в экспедиции по Жигаловскому району Иркутской области для ревизии состояния единственной, по источникам ЦСН (по Иркутской области), сохранившейся в Предбайкалье деревянной мечети начала XX века в поселке Знаменка. К сожалению, этой мечети автору уже не пришлось увидеть. За год до этого местный житель (татарин по национальности) приватизировал родную святыню на дрова.

Мусульманская культура, а вместе с ней и вся культура Предбайкалья теперь уже окончательно потеряли как для настоящего, так и для будущих поколений уникальный пласт культуры мусульманского деревянного зодчества, в начале XX века довольно неплохо представленного в Предбайкалье.

На озере Байкал есть большой (92 x 18 км) экзотический остров Ольхон. С незапамятных времен его населяли палеоазиатские племена. С XII по XIV век основным народом, проживающим здесь, стали буряты. Тюркоязычная культура бурят уникальна. В качестве жилища они используют, так же как и некоторые алтайские народности, деревянные юрты (фото 1). Еще пять лет назад на Ольхоне стояли две замечательные восьмистенные деревянные юрты (конец XIX в.) с остроконечными крышами, стропильная конструкция которых значительно отличалась от таковой на материке. Попытка автора вывезти юрты в музей не увенчалась успехом. Их просто приватизировали местные жители. Разобрали, перевезли в другие места. На одну собранную юрту соорудили железную крышу и используют как склад. Другую юрту вообще используют как стайку для поросят. Вот такое отношение к своей народной культуре. А с уничтожением в 1999 году деревянного здания рыбозавода (фото 2, 3) в поселке Пес-

Фото 3. Первый этаж рыбозасоленного цеха. Остров Ольхон, пос. Песчанка. Фото И.Ю. Бержинского, 1996 г.

чанка на острове больше не осталось образцов уникального деревянного зодчества, интересного не только для науки, но и для интенсивно развивающегося в этом районе туристического бизнеса. Что теперь будем показывать туристам, кроме чудесной байкальской природы? Ничего! Еще один пример — поселок Тельма. При обследовании автором этого поселка в 2000 году из 20 стоящих на госохране с 80-х годов XX века памятников деревянного зодчества констатирован факт уничтожения 13. На начало 2002 года их осталось уже 7. А что будет через 10 лет при таких темпах уничтожения? Разобрано до фундамента на дрова уникальное здание администрации Тельминской суконной мануфактуры начала XIX века. Это было единственное деревянное административное здание, характерное для рабочих слобод Предбайкалья XIX века. Не останется ничего. И так по всей России.

Что делать? Какие практические и приоритетные меры надо принимать для сохранения как деревянного зодчества, так и в целом историко-культурной среды? Какими способами и методами возрождать у населения любовь к своей малой родине, к своим историческим корням, к родной глазу архитектуре? Именно эти вопросы актуальны для нашего поколения. Поколения, по всей видимости, последнего, которое способно фиксировать историческую среду в естественных, а не в музейных условиях, литературных и архивных источниках. С уходом из жизни бабушек и дедушек — основных на сегодняшний момент носителей традиционной народной культуры, а также с потерей уникального деревянного зодчества, как это ни печально, мы потеряем возможность натурной фиксации естественной исторической среды. Реконструкция этой среды — это по большей части «Диснейленд», а не музей и не наука. Будущие поколения, реконструируя историческую среду по отдельным элементам, безусловно будут допускать искажения, и, возможно, значительные. Думается, настало время внести изменения в государственную политику по отношению к культуре, определив приоритетным направлением (или хотя бы одним из приоритетных) сохранение традиционной культуры народов России, в особенности ее уникального деревянного зодчества.

ВАРИАНТЫ СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ В МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

Интенсивное развитие цивилизации в XX веке привело к тому, что продукция, производимая ранее в рамках традиционных народных промыслов, которые обеспечивали жизненный процесс человека, утратила свои функции. Промышленность к концу XX века вытеснила из быта человека предметы кустарного промысла. Только отдельные элементы ранее широко распространенных кустарных промыслов в наше время продолжают сохраняться, по большей части изменив свои функции и став теперь уже сувенирным производством. Интенсивное развитие мирового туристического бизнеса, все более и более завоевывающего лидирующие позиции в экономике многих стран, способствует развитию и сувенирного производства, составной и немалой частью которого является уже видоизмененная, порой просто стилизованная продукция народных промыслов.

Наиболее благодатной почвой для развития народных промыслов и реализации их продукции являются музеи под открытым небом. Сама музейная среда располагает к демонстрации процесса производства такого вида продукции и ее реализации. К тому же музей под открытым небом позволяет сохранить народные промыслы в более или менее сохраненной естественной исторической обстановке.

Многие музеи мира практикуют сувенирное производство на основе народных промыслов как часть элемента экспозиции или просто часть развлекательного процесса. Развивают музеи народные промыслы также и как элемент рекламы, и, конечно же, как составную часть музейного бизнеса. Мастера народных промыслов на глазах у посетителей музея производят продукцию и реализуют ее. При этом часть музеев содержат таких мастеров в своем штате, а часть — сдают им помещения и территорию в платную и бесплатную (на основе договоров о творческом сотрудничестве) аренду.

Говоря о народных промыслах в музейной среде, сразу замечу, что мне не приходилось встречать музеи, где значительной статьей дохода были бы поступления от народных промыслов. Возможно, когда-то такое и будет, а пока основные задачи кроме прямого пополнения бюджета от реализации продукции народных промыслов — это, конечно, оживление и разнообразие экспозиций музея, привлечение дополнительного туристического потока и, что очень важно, расширение за счет продукции народных промыслов потребительского рынка услуг для музейного туристического потока.

В музее «Тальцы» кустарные промыслы существовали со времени его открытия для посетителей (1980 г.). Первоначально кустарную продукцию (деревянные ложки, туеса и т. д.) производили сотрудники музея (сторожа, смотрители, научные сотрудники) в рабочее и нерабочее время, в целях поддержания своего семейного бюджета. В те годы зарплата музейных работников была настолько мала, что без сопутствующих основному заработку финансовых добавок достойно жить было очень трудно. Практически вся продукция народных промыслов, производимая тогда в музее «Тальцы», раскупалась исключительно иностранными туристами. Российские туристы ею не интересовались. Главным образом это было обусловлено отсутствием у них достаточных средств и оставшимся с советских времен представлением о непрестижности иметь в доме предметы кустарного производства. К родному кустарному производству в виде сувенирной продукции устойчивый интерес у российского туриста формируется только теперь.

В 1996 году группа учителей одной из иркутских школ, где на уроках труда преподается гончарный промысел, обратилась в администрацию музея с предложением приблизить гончарный промысел к его естественной исторической среде и открыть в музее «Тальцы» гончарную мастерскую.

Музей предоставил помещение под живую экспозицию «Гончарный промысел», помещение для проживания мастеров (музей удален от города на 47 км), оплачивает коммунальные услуги (за электроэнергию, вывозку мусора и т. д.). Результат превзошел ожидания. В воскресные и праздничные дни в музее появляется целый торговый гончарный ряд. До 15 семей занимаются гончарным промыслом. Конечно, основная часть продукции делается в домашних условиях, а в музее происходит по большей части имитация процесса (как и в большинстве музеев), но для посетителя, находящегося в музее от одного до трех

часов, этого достаточно. При этом решается не только экспозиционная проблема. Решается и социальная задача трудоустройства населения региона. Для нескольких семей, занимающихся в музее гончарным промыслом, данное производство является или единственным, или основным видом заработка.

Рыночные условия, в которых работает гончарное сувенирное производство в музее «Тальцы», диктуют свои законы спроса и предложения. За восьмилетний период существования здесь гончарного промысла сформировался и ассортимент сувенирной гончарной продукции. Наиболее популярным товаром является игрушка-свистулька с местной байкальской тематикой. Это байкальская нерпа небольших и средних размеров (вмещающаяся в карман пиджака). Спрос на данную продукцию обусловлен тематикой местности, ценой и размерами. Другие виды гончарной продукции: медальки, свистульки: байкальский омуль, шаманы и т. д., тарелки с росписью местной тематики, колокольчики, куклы в тематике местного костюма и т. д., хотя пользуются спросом, но в значительно меньших объемах (на порядок в сравнении со свистулькой-нерпой).

Развивается в музее «Тальцы» и берестяной промысел. Подход аналогичный. Мастерам предоставляется помещение для постоянного проживания и место для работы и торговли непосредственно в одной из экспозиций. Наиболее ходовой товар берестяного промысла — это браслеты, ободки на голову, крестики, кулоны со знаками зодиака. Меньшим спросом пользуются туески, шкатулки, картины и т. д.

Развитие в музее «Тальцы» других направлений народных промыслов определяется уже их рентабельностью. Так, если гончарный и берестяной промыслы находятся на самоокупаемости, то иные промыслы, предполагаемые к развитию в музее «Тальцы», резьба из дерева или по дереву, ткацкий, кузнечный и другие, безусловно будут на дотации. Для них необходимо держать мастеров на штатной ставке. Их работа будет сводиться не столько к зарабатыванию денег на жизнь, по принципу самоокупаемости, сколько к театрализации экспозиций музея. При наличии штатных ставок эта проблема решается просто. При отсутствии таковых приходится искать нестандартные пути решения как оживления экспозиций за счет народных промыслов, так и возрождения самих народных промыслов.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
2519. ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ) НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ *

ГЛАВА IV. ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЕСТР ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУ-
РЫ) НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕН-
НЫЙ УЧЕТ ОБЪЕКТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ

Статья 15. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

1. В Российской Федерации ведется единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — реестр), содержащий сведения об объектах культурного наследия.

2. Реестр представляет собой государственную информационную систему, включающую в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения реестра.

3. Сведения, содержащиеся в реестре, являются основными источниками информации об объектах культурного наследия и их территориях, а также о зонах охраны объектов культурного наследия при формировании и ведении государственного земельного кадастра, государственного градостроительного кадастра, иных информационных систем или банков данных, использующих (учитывающих) данную информацию.

4. Положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации.

Статья 16. Формирование реестра

В соответствии с настоящим Федеральным законом реестр формируется посредством включения в него объектов культурного наследия, в отношении которых было принято решение о включении

* Начало в № 2 (14).

их в реестр, а также посредством исключения из реестра объектов культурного наследия, в отношении которых было принято решение об исключении их из реестра, в порядке, установленном настоящим Федеральным законом.

Статья 17. Документы, представляемые в орган государственной власти для принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр

Для принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр соответствующий орган охраны объектов культурного наследия представляет в Правительство Российской Федерации (в случаях, предусмотренных пунктом 9 статьи 18 настоящего Федерального закона) либо в орган государственной власти субъекта Российской Федерации, определенный законом данного субъекта Российской Федерации:

- 1) заявление о включении выявленного объекта культурного наследия в реестр;
- 2) заключение государственной историко-культурной экспертизы;
- 3) сведения о наименовании объекта;
- 4) сведения о времени возникновения или дате создания объекта, дате основных изменений (перестроек) данного объекта и (или) дате связанного с ним исторического события;
- 5) сведения о местонахождении объекта;
- 6) сведения о категории историко-культурного значения объекта;
- 7) сведения о виде объекта;
- 8) описание особенностей объекта, послуживших основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (далее — предмет охраны);
- 9) описание границ территории объекта;
- 10) фотографическое изображение объекта;
- 11) сведения о собственнике объекта культурного наследия и пользователе объектом культурного наследия;
- 12) сведения о собственнике земельного участка и пользователе земельным участком, а также о правовом режиме использования земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия.

Статья 18. Порядок включения объектов культурного наследия в реестр

1. Федеральный орган охраны объектов культурного наследия и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области охраны объектов культурного наследия, осуществляют работы по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики,

этнологии или антропологии, социальной культуры (далее — объекты, представляющие собой историко-культурную ценность) и рекомендуемых для включения в реестр. Указанные работы осуществляются в соответствии с государственными целевыми программами охраны объектов культурного наследия, а также на основании рекомендаций физических и юридических лиц.

2. Объекты, которые представляют собой историко-культурную ценность и в отношении которых вынесено заключение государственной историко-культурной экспертизы о включении их в реестр как объектов культурного наследия, относятся к выявленным объектам культурного наследия со дня поступления в федеральный орган охраны объектов культурного наследия или в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия (далее — соответствующий орган охраны объектов культурного наследия), документов, указанных в статье 17 настоящего Федерального закона.

3. Данные об объектах, представляющих собой историко-культурную ценность, вносятся в специальные документы. Перечень таких документов, формы их ведения, рекомендации по их заполнению определяются Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Указанные документы являются частью реестра и подлежат бессрочному хранению.

4. Соответствующий орган охраны объектов культурного наследия направляет письменное уведомление собственнику выявленного объекта культурного наследия или пользователю им о дате поступления в соответствующий орган охраны объектов культурного наследия документов, указанных в статье 17 настоящего Федерального закона, в течение семи дней.

5. Соответствующий орган охраны объектов культурного наследия уведомляет собственника выявленного объекта культурного наследия или пользователя им о решении органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а в случае, предусмотренном пунктом 9 настоящей статьи, о решении Правительства Российской Федерации о включении данного объекта культурного наследия в реестр либо об отказе включить данный объект в реестр — в течение тридцати дней со дня принятия решения указанными органами государственной власти.

6. Объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия со дня их обнаружения. Информация о выявленном объекте археологического наследия направляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия собственнику земельного участка и (или) пользователю земельным участком, на котором (или в котором) обнаружен объект архе-

ологического наследия, в течение десяти дней со дня обнаружения данного объекта.

7. В реестр могут быть включены выявленные объекты культурного наследия, с момента создания которых или с момента исторических событий, связанных с которыми, прошло не менее сорока лет, за исключением мемориальных квартир и мемориальных домов, которые связаны с жизнью и деятельностью выдающихся личностей, имеющих особые заслуги перед Россией, и которые считаются выявленными объектами культурного наследия непосредственно после смерти указанных лиц.

8. Выявленные объекты культурного наследия до принятия решения о включении их в реестр либо об отказе включить их в реестр подлежат государственной охране в соответствии с настоящим Федеральным законом.

9. Объекты культурного наследия федерального значения включаются в реестр Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия по согласованию с органами государственной власти субъекта Российской Федерации (в отношении объектов культурного наследия регионального значения), а в отношении объектов культурного наследия местного (муниципального) значения — также с органами местного самоуправления. В случае угрозы физической утраты выявленного объекта культурного наследия или нанесения невосполнимого ущерба выявленному объекту культурного наследия, установленных на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы, при отказе органа государственной власти субъекта Российской Федерации включить указанный объект в реестр либо в случае включения в реестр объекта археологического наследия как отнесенного в соответствии со статьей 4 настоящего Федерального закона к объектам культурного наследия федерального значения согласование с органами государственной власти субъекта Российской Федерации не проводится.

Объекты культурного наследия регионального значения или объекты культурного наследия местного (муниципального) значения включаются в реестр в порядке, установленном настоящим Федеральным законом.

Порядок принятия решения о включении объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в реестр определяется законом субъекта Российской Федерации.

Статья 19. Сроки принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр

Решение о включении выявленного объекта культурного наследия в реестр либо об отказе включить такой объект в реестр должно

быть принято Правительством Российской Федерации (в случаях, предусмотренных пунктом 9 статьи 18 настоящего Федерального закона) либо органом государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным законом субъекта Российской Федерации, в срок не более одного года со дня поступления в соответствующий орган охраны объектов культурного наследия документов, указанных в статье 17 настоящего Федерального закона.

Статья 20. Ведение реестра

1. Ведение реестра включает в себя присвоение регистрационного номера объекту культурного наследия в реестре, мониторинг данных об объектах культурного наследия, внесенных в реестр при регистрации в нем объектов, документационное обеспечение реестра и возлагается на соответствующий орган охраны объектов культурного наследия.

2. Присвоение объекту культурного наследия регистрационного номера в реестре осуществляется в порядке, определенном Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

В реестр вносятся сведения, указанные в подпунктах 3—10 статьи 17 настоящего Федерального закона, а также:

сведения об органе государственной власти, принявшем решение о включении объекта культурного наследия в реестр;

номер и дата принятия решения органа государственной власти о включении объекта культурного наследия в реестр.

3. В реестр вносятся сведения о наличии зон охраны объекта культурного наследия.

4. Сведения, указанные в пунктах 2 и 3 настоящей статьи, представляются в федеральный орган охраны объектов культурного наследия для обеспечения единого банка данных реестра.

5. Сведения, указанные в пункте 2 настоящей статьи, за исключением фотографических изображений объектов археологического наследия, ансамблей и достопримечательных мест, подлежат обязательному опубликованию.

6. Мониторинг данных об объектах культурного наследия, включенных в реестр, осуществляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия в целях своевременного изменения данных об объектах культурного наследия, включенных в реестр.

7. Документационное обеспечение реестра осуществляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия и включает в себя подготовку и хранение документации, установленной настоящим Федеральным законом, содержащей сведения

об объектах культурного наследия, включенных в реестр. На основе указанной документации формируются информационные ресурсы реестра, обеспечивающие его автоматизированное ведение.

Статья 21. Паспорт объекта культурного наследия

1. На объект культурного наследия, включенный в реестр, собственнику данного объекта соответствующим органом охраны объектов культурного наследия выдается паспорт объекта культурного наследия. В указанный паспорт вносятся сведения, составляющие предмет охраны данного объекта культурного наследия, и иные сведения, содержащиеся в реестре.

Форма паспорта объекта культурного наследия утверждается Правительством Российской Федерации.

2. Паспорт объекта культурного наследия является одним из обязательных документов, представляемых в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении сделок с объектом культурного наследия либо земельным участком или участком водного объекта, в пределах которых располагается объект археологического наследия.

Статья 22. Порядок изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия

1. Изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия федерального значения осуществляется Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы.

Объект культурного наследия, признанный не отвечающим требованиям, предъявляемым к объектам культурного наследия федерального значения, учитывается в реестре как объект культурного наследия регионального значения или объект культурного наследия местного (муниципального) значения с согласия субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления муниципального образования, на территориях которых находится данный объект культурного наследия.

2. Изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения осуществляется в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

Статья 23. Исключение объекта культурного наследия из реестра

Исключение объекта культурного наследия из реестра осуществляется Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы и обращения органа государственной власти субъекта Рос-

сийской Федерации в случае полной физической утраты объекта культурного наследия или утраты им историко-культурного значения.

Статья 24. Особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации

1. Правительство Российской Федерации может принять решение о признании объекта культурного наследия федерального значения, включенного в реестр, особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации.

2. Объект культурного наследия, включенный в реестр и Список всемирного наследия, признается особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации в первоочередном порядке.

Статья 25. Основания для включения объекта культурного наследия в Список всемирного наследия и порядок представления соответствующей документации

1. Объекты культурного наследия, представляющие собой выдающуюся универсальную историческую, археологическую, архитектурную, художественную, научную, эстетическую, этнологическую или антропологическую ценность, могут быть отнесены к объектам всемирного культурного и природного наследия в порядке, установленном Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия.

2. На основании заключения государственной историко-культурной экспертизы предложения о включении объектов культурного наследия федерального значения в Список всемирного наследия и документация, оформленная в соответствии с требованиями Комитета всемирного наследия при Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), направляются в Комиссию Российской Федерации по делам ЮНЕСКО в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Статья 26. Право на пользование информацией об объекте культурного наследия

1. Физические или юридические лица вправе получать в соответствующем органе охраны объектов культурного наследия информацию, содержащуюся в документах, представляемых для включения объекта культурного наследия в реестр.

2. Перечень информационных услуг, предоставляемых бесплатно или за плату, не возмещающую в полном объеме расходов на оказание соответствующих информационных услуг, определяется Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Статья 27. Информационные надписи и обозначения на объектах культурного наследия

1. На объектах культурного наследия, включенных в реестр, долж-

ны быть установлены надписи и обозначения, содержащие информацию об объекте культурного наследия (далее — информационные надписи и обозначения). Надписи выполняются на русском языке — государственном языке Российской Федерации и на государственных языках республик — субъектов Российской Федерации.

Порядок установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия федерального значения определяется Правительством Российской Федерации.

2. Порядок установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия регионального значения или объекты культурного наследия местного (муниципального) значения определяется законом соответствующего субъекта Российской Федерации.

ГЛАВА V. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Статья 28. Государственная историко-культурная экспертиза

Государственная историко-культурная экспертиза (далее — историко-культурная экспертиза) проводится в целях:

обоснования включения объекта культурного наследия в реестр; определения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия;

обоснования изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия, исключения объекта культурного наследия из реестра;

определения соответствия проектов зон охраны объекта культурного наследия, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов, намечаемых землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, а также проектов проведения указанных работ требованиям государственной охраны объекта культурного наследия;

определения степени соответствия проектной документации и производственных работ нормативным требованиям к сохранению объекта культурного наследия;

отнесения объекта культурного наследия к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации или к объектам всемирного культурного наследия.

Статья 29. Принципы проведения историко-культурной экспертизы

Историко-культурная экспертиза проводится на основе принципов: научной обоснованности, объективности и законности;

презюпции сохранности объекта культурного наследия при любой намечаемой хозяйственной деятельности;

соблюдения требований безопасности в отношении объекта культурного наследия;

достоверности и полноты информации, предоставляемой заинтересованным лицом на историко-культурную экспертизу;

независимости экспертов;

гласности.

Статья 30. Объекты историко-культурной экспертизы

Объектами историко-культурной экспертизы являются:

объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона;

земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению;

документы, обосновывающие включение объектов культурного наследия в реестр;

документы, обосновывающие исключение объектов культурного наследия из реестра;

документы, обосновывающие изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия;

документы, обосновывающие отнесение объекта культурного наследия к историко-культурным заповедникам, особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации либо объектам всемирного культурного и природного наследия;

проекты зон охраны объекта культурного наследия;

градостроительная и проектная документация, градостроительные регламенты в случаях, установленных настоящим Федеральным законом;

документация, обосновывающая проведение работ по сохранению объекта культурного наследия;

документация, обосновывающая проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказывать прямое или косвенное воздействие на объекты культурного наследия.

Статья 31. Финансирование историко-культурной экспертизы, порядок назначения и проведения историко-культурной экспертизы

1. Историко-культурная экспертиза проводится до начала землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказывать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия, и (или) до утверждения градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов.

2. Заказчик работ, подлежащих историко-культурной экспертизе, оплачивает ее проведение.

3. Порядок проведения историко-культурной экспертизы объектов экспертизы, указанных в статье 30 настоящего Федерального закона, требования к определению физических и юридических лиц, которые могут привлекаться в качестве экспертов, перечень представляемых экспертам документов, порядок их рассмотрения, порядок проведения иных исследований в рамках данной экспертизы устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Порядок определения размера оплаты историко-культурной экспертизы, касающийся объектов культурного наследия федерального значения, устанавливается Правительством Российской Федерации.

Порядок определения размера оплаты историко-культурной экспертизы, касающийся объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, объектов, представляющих собой историко-культурную ценность, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, а также земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, устанавливается органом государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным законом данного субъекта Российской Федерации.

Статья 32. Заключение историко-культурной экспертизы

1. Заключение историко-культурной экспертизы оформляется в виде акта, в котором содержатся результаты исследований, проведенных экспертами в порядке, установленном пунктом 3 статьи 31 настоящего Федерального закона.

2. Заключение историко-культурной экспертизы является основанием для принятия решения соответствующим органом охраны объектов культурного наследия о возможности проведения работ, указанных в пункте 1 статьи 31 настоящего Федерального закона, а также для принятия иных решений, вытекающих из заключения об объектах историко-культурной экспертизы, указанных в статье 30 настоящего Федерального закона. В случае несогласия с заключением историко-культурной экспертизы соответствующий орган охраны объектов культурного наследия по собственной инициативе либо по заявлению заинтересованного лица вправе назначить повторную экспертизу в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

3. В случае несогласия с решением соответствующего органа охраны объектов культурного наследия физическое или юридическое лицо может обжаловать это решение в суд.

ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья 33. Цели и задачи государственной охраны объектов культурного наследия

1. Объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения облика и интерьера, нарушения установленного порядка их использования, перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред объектам культурного наследия, а также в целях их защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных воздействий.

2. Государственная охрана объектов культурного наследия включает в себя:

1) государственный контроль за соблюдением законодательства в области охраны и использования объектов культурного наследия;

2) государственный учет объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона, формирование и ведение реестра;

3) проведение историко-культурной экспертизы;

4) установление ответственности за повреждение, разрушение или уничтожение объекта культурного наследия, перемещение объекта культурного наследия, нанесение ущерба объекту культурного наследия, изменение облика и интерьера данного объекта культурного наследия, являющихся предметом охраны данного объекта культурного наследия;

5) согласование в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом, проектов зон охраны объектов культурного наследия, землеустроительной, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов, а также решений федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления об отводе земель и изменении их правового режима;

6) контроль за разработкой градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов, в которых должны предусматриваться меры, обеспечивающие содержание и использование объектов культурного наследия в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона;

7) разработку проектов зон охраны объектов культурного наследия;

8) выдачу в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, разрешений на проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ;

9) согласование в случаях и порядке, установленных настоящим

Федеральным законом, проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ и проектов проведения указанных работ;

10) выдачу в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, разрешений на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия;

11) установление границы территории объекта культурного наследия как объекта градостроительной деятельности особого регулирования;

12) установку на объектах культурного наследия информационных надписей и обозначений;

13) контроль за состоянием объектов культурного наследия;

14) иные мероприятия, проведение которых отнесено настоящим Федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации к полномочиям соответствующих органов охраны объектов культурного наследия.

Статья 34. Зоны охраны объектов культурного наследия

1. В целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его исторической среде на сопряженной с ним территории устанавливаются зоны охраны объекта культурного наследия: охранная зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта.

Необходимый состав зон охраны объекта культурного наследия определяется проектом зон охраны объекта культурного наследия.

2. Охранная зона — территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности — территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность, определяются требования к реконструкции существующих зданий и сооружений.

Зона охраняемого природного ландшафта — территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта,

включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия.

3. Границы зон охраны объекта культурного наследия (за исключением границ зон охраны особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации и объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия), режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах данных зон утверждаются на основании проекта зон охраны объекта культурного наследия в отношении объектов культурного наследия федерального значения — органом государственной власти субъекта Российской Федерации по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия, а в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения — в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

4. Порядок разработки проектов зон охраны объекта культурного наследия, требования к режиму использования земель и градостроительным регламентам в границах данных зон устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Статья 35. Особенности проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории объекта культурного наследия и в зонах охраны объекта культурного наследия

1. Проекты проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории объекта культурного наследия и в зонах охраны объекта культурного наследия подлежат согласованию с соответствующими органами охраны объектов культурного наследия в порядке, установленном в пункте 4 настоящей статьи.

2. Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории памятника или ансамбля запрещаются, за исключением работ по сохранению данного памятника или ансамбля и (или) их территорий, а также хозяйственной деятельности, не нарушающей целостности памятника или ансамбля и не создающей угрозы их повреждения, разрушения или уничтожения.

3. Характер использования территории достопримечательного места, ограничения на использование данной территории и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места определяются федеральным органом охраны объектов культурного наследия в отношении объектов культурного наследия федерального значения и

органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, вносятся в правила застройки и в схемы зонирования территорий, разрабатываемые в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации.

4. Проектирование и проведение работ по сохранению памятника или ансамбля и (или) их территорий, проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории достопримечательного места, а также в зонах охраны объекта культурного наследия осуществляются:

в отношении объектов культурного наследия федерального значения — по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия либо в порядке, определяемом договором о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия — в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

Статья 36. Меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия при проектировании и проведении землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ

1. Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляются при наличии заключения историко-культурной экспертизы об отсутствии на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона, и при отсутствии на данной территории объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия либо при обеспечении заказчиком работ указанных в пункте 3 настоящей статьи требований к сохранности расположенных на данной территории объектов культурного наследия.

2. В случае обнаружения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона, в проекты проведения землеустроитель-

ных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов до включения данных объектов в реестр в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, а действие положений землеустроительной, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов на данной территории приостанавливается до внесения соответствующих изменений.

3. В случае расположения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов культурного наследия, включенных в реестр, и выявленных объектов культурного наследия землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы на территориях, непосредственно связанных с земельными участками в границах территории указанных объектов, проводятся при наличии в проектах проведения таких работ разделов об обеспечении сохранности данных объектов культурного наследия или выявленных объектов культурного наследия, получивших положительные заключения историко-культурной экспертизы и государственной экологической экспертизы.

4. Финансирование указанных в пунктах 2 и 3 настоящей статьи работ осуществляется за счет средств физических или юридических лиц, являющихся заказчиками проводимых работ.

5. Согласование землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, указанных в пунктах 2 и 3 настоящей статьи, проводится в порядке, установленном в пункте 4 статьи 35 настоящего Федерального закона.

Статья 37. Приостановление земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, проведение которых может причинить вред объектам культурного наследия

1. Земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы должны быть немедленно приостановлены исполнителем работ в случае обнаружения не указанного в заключении историко-культурной экспертизы объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона.

Исполнитель работ обязан проинформировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия, об обнаруженном объекте.

2. Указанные в пункте 1 настоящей статьи работы, а также работы, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия, нарушить его целостность и сохранность, долж-

ны быть немедленно приостановлены заказчиком и исполнителем работ после получения письменного предписания органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченного в области охраны объектов культурного наследия, либо федерального органа охраны объектов культурного наследия.

3. В случае принятия мер по ликвидации опасности разрушения обнаруженного объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона, или в случае устранения угрозы нарушения целостности и сохранности объекта культурного наследия приостановленные работы могут быть возобновлены по письменному разрешению соответствующего органа охраны объектов культурного наследия, по предписанию которого работы были приостановлены.

Работы по ликвидации опасности разрушения обнаруженного объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона, изменение проекта проведения работ, представлявших собой угрозу нарушения целостности и сохранности объекта культурного наследия, либо изменение характера указанных работ проводятся за счет средств заказчика работ, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 38. Ограничение движения транспортных средств на территории объекта культурного наследия и в зонах охраны объекта культурного наследия

В случае угрозы нарушения целостности и сохранности объекта культурного наследия движение транспортных средств на территории данного объекта или в его зонах охраны ограничивается или запрещается в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации.

Статья 39. Контроль за состоянием объектов культурного наследия

Соответствующие органы охраны объектов культурного наследия обязаны осуществлять контроль за состоянием объектов культурного наследия, включенных в реестр, и выявленных объектов культурного наследия и проводить один раз в пять лет обследование состояния и фотофиксацию объектов культурного наследия, включенных в реестр, в целях разработки ежегодных и долгосрочных программ сохранения данных объектов культурного наследия.

(Окончание в следующем номере)

19 апреля 2002 г. Поселок Залари, Иркутская обл. Россия. Научно-практическая конференция «История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья». Конференция, посвященная 300-летию сибирского села Залари, была проведена Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» и Заларинским районным краеведческим музеем.

15–16 мая 2002 г. Иркутск. Россия. Областной музейный фестиваль «Маёвка-2002». Проведенный на базе Иркутского областного краеведческого музея фестиваль стал попыткой коммуникации с музеями и творческими музейными кадрами Иркутской области, попыткой перехода от кастовости профессионалов к открытости и непосредственности. Программа фестиваля включала в себя презентационные программы областных, районных и муниципальных музеев, открытие выставки «Сибирский чайный путь», выступления музыкальных и фольклорных коллективов, другие мероприятия.

1–2 июля 2002 г. Улан-Удэ. Россия. Региональная научно-практическая конференция «Музеи Восточной Сибири в XXI веке: проблемы и перспективы». Конференция была организована Восточно-Сибирской государственной академией культуры и искусств. На конференции обсуждались следующие проблемы: «Музей в системе наследия», «Инновационные технологии в музеях», «Проблемы взаимодействия и сотрудничества музеев Восточной Сибири», «Проблемы национальных музеев Сибири».

Плетение из бересты: Методическое пособие / Сост. Л. С. Дмитриева, М. Н. Морозов. — Иркутск, 2002. — 34 с.

Разработанное в иркутской творческой мастерской «Берестень» методическое пособие представляет собой альбом учебных иллюстративно-технологических карт, предназначенных для изготовления плетеных изделий из бересты, различных по форме (плоской, объемной), способам исполнения (плоского, прямого и косоугольного плетения), назначения (солонки, корзинки, лапти и т. д.), приемам декорирования и отделки. В пособии приводятся сведения об используемых инструментах, дополнительных приспособлениях и вспомогательных материалах.

Тихонов В. В. Проблемы эффективности работы музеев России в современных условиях. — Иркутск, 2002. — 32 с.

Публикуемая разработка выполнялась автором в соответствии с планом работы Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля, действующего на базе АЭМ «Тальцы». В ней предлагается новый подход к оценке эффективности работы музеев в связи с изменением в стране в последние десятилетия правовых, экономических, политических условий функционирования учреждений культуры и музеев в частности.

Тамм Л. И. Записки иркутянки. — Иркутск, 2001. — 172 с.; Иркутск, 2002. — 267 с.

Воспоминания активной общественницы, почетного гражданина города Иркутска Лидии Ивановны Тамм выпущены в двух частях. В первой из них автор рассказывает об укладе жизни, бытовой обстановке, одежде, пище, суевериях и приметах, описывает будничные и праздничные дни жителей Иркутска начала XX века. Вторая часть воспоминаний посвящена событиям 20–40-х годов XX столетия. Живой язык, приметная память, искренность и непосредственность, глубокое проникновение в суть происходящего придают воспоминаниям особый интерес и колорит.

БАЙКИ ДЕДА ЛЁШИ*

Анатолий Байбородин

В музейной деревне Тальцы, где я жил летами, подчаливал ко мне на чай тутошний старик, дед Лёша, и потешал меня всякими случаями... Иные из них я и записал.

ЖИЛИ ДУША В ДУШУ

— Я ить, Григорич, свою баушку до заму- жества не видел, ее откуль-то с заимки привезли. Зимой на саянх приперли. Она уж маленько в девках засиделась, а я в парнях. И вот тестюшко мой будущий повез ее по ближним деревням. Завернет к знакомцам и говорит: дескать, поспела... Вот и к отцу моему подвернул, посудачили они да и ударили по рукам — рукобитие, значит. Ведут девку... Она шали-то разматывают, а я-то смотрю да про себя-то крещусь: дай-то Бог, чтоб не шибко стара да не крива. Но, гляжу, подфартило: брава девка, и глаза блестят.

— Ну и как, хорошо прожили жизнь?

— Душа в душу. Зашумит, бывало, хоп ее в ухо, и опять живем душа в душу...

— Поколачивал?

— Не-е, это я смехом. Сроду пальцем не тронул. А, бывало, выпрягется из дуги, бровью поведу, она у меня как шелковая. Убреду ли в тайгу орех добывать, на рыбалку ли уплыву, на второй день уж вроде сироты без ее, все думушки о ей. И она, знаю, поджидаячи, все глаза проглядит. А уж как вернусь, дак, бедная, не знает, чем напоить, накормит, чем уластить... Вот так век и прожили.

* Печатается по книге: Байбородин А.Г. Диво: Народные байки, побаски, сказы. — Иркутск, 2001. — 304 с.

ВЫУЧКА

Мужик один с фермы возил молоко на коне. А шибко, паря, пил. Доярки с им с греха пропали. Ждут его, бывалочи, а он загулял... Но решили ему выучку дать. Один раз напился и уснул на телеге. Конь на полдороге и остановился. Доярки не дождались, пошли навстречу. Видят, спит пьяней вина. Ну, чо делать... Распрягли коня, вкатили телегу в березу и снова запрягли. Утром мужик просыпается, коня понужат. А разве конь выворотит березу?! А уж народу, паря, собралось... Все, говорит, помню, но как в березу въехал, хошь убей, запоматовал... Хохочут — кино бесплатно... Стыдно мужику стало, маленько, паря, образумился.

ПОРОХОВАЯ ПАПИРОСА

— Ты когда стал табачок покуривать? — спрашивает дед Лёша.

— Да лет в девятнадцать.

— А я, паря, в четырнадцать пристрастился. Отец на меня гектар крапивы перевел, и все бестолку. Но не попустят... Вот сосед мне и говорит: «Ты, Лёшка, возьми новенький кисет, набей в него табаку, сунь туда газетку и спички и в сеннике положи». Но я, паря, — был же ум, а!.. — так и сделал. Сунул кисет под сено с краюшку и жду. Вот пошел отец сено коровам дать, подцепил вилами навильник, кисет и упал. Прибегает отец в избу темнее тучи. «Кто, — кричит, — в сеннике курил?» «Лёшка, наверно...» — говорит мать. «Пусть теперь в открытую курит. А то, едрит твою налево, спалит мне и сено, и стайку, и избу». Стал я, паря, в открытую табачок покуривать... Но отец, гляжу, весь извелся, глядя на меня... И вот поехали сено косить. И дядька с нами. Тот шибко не курил, а так, другой раз баловался. Сидим, это, раз возле костра, чай швыркаем. Дядька папироску закурил и мне дает. Ну, я, паря, взял из костра головешку, подкурил, а папироса как пыхнет, вроде взорвалась. Перепужался вусмерть... Как еще глаза не выжег... А это тятя мой удумал: сговорился с дядькой, набили они в папиросу пороха да мне и сунули... С тех пор и перестал я табачок курить. Кто курит табак, тот хуже собак. Так от...

СКОРОГОВОРКИ*

Здорово, отеч, братеч, сестрича, приятель, друг, — скажи челолюбите поклон: прости, отеч, мать, дедка, батюшка, братеч, сестрича, птича, курича.

Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа тупа.

В один, Клим, клин колоти.

Два дровосека, два дровокола, два дроворуба говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

Из-под Костромщины шли четверы мужчины; говорили они про торги да про покупки, про крупу да про подкрупки.

Курочка честра-пестра, уточка с носка плоска.

На семеры сани, по семеры в сани.

От топота копыт пыль по полю летит.

Петр Петрович, по прозванью Перов, поймал птицу пигалицу; понес по рынку, просил полтинку, подали пятак, он и продал так.

По двору, подворью, в добром здоровье.

Полчетверта четверика гороху, без червоточинки.

Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла.

Сенька везенька, вези бабу на санках: санки скок, Сеньку в лоб.

Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком.

Стоит стопочка на окошечке, не подъявлена, не выявлена: пришел сват подъявить; подъявил и выявил.

Съел молодец тридцать три пирога с пирогом, да всё с тво-рогом.

У нас на дворе подворье погода размокрогогодилась.

Шли сорок мышей, несли сорок грошей, две мыши поплоше несли по два гроша.

Шли три попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича.

* Печатаются по книге: Даль В.И. Пословицы русского народа. — М., 1999. — 616 с.

